

Беленький Сергей, Москва

s_belenky@mail.ru; телефон 8926 543 46 73

Пьеса. «Не кричите на него, пожалуйста...»(часть 1), год написания 2014-15

Действие происходит в маленьком северном городке, где 31 августа уже поздняя осень (в начале 80-х).

АННА ИВАНОВНА, библиотекарь в средней школе, около 50 лет

ФЕДОР ИВАНОВИЧ, учитель ботаники, около 50-ти лет, брат Анны Ивановны

МИША, сын Анны Ивановны и Александра, 21-22 года

ИВАН, друг, ровесник Миши

АЛЕКСАНДР, отец Миши, около 50 лет

ПЕТР ПАВЛОВИЧ, муж Анны Ивановны, прокурор в городе, чуть больше 60-лет.

СЕРГЕЙ, сын Петра Павловича от первого брака, около 25 лет

ТОНЯ, актриса цирка, жена Федора Ивановича, около 50 лет

КСЕНИЯ1, дочь Федора Ивановича и Тони, 20 лет

МАРИЯ ИВАНОВНА, соседка Федора Ивановича, 80 лет.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА, однокашница по институту Федора Ивановича, учительница в сельской школе, 45 лет

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ, муж Варвары Степановны, 55 лет

ОКСАНА, дочь Варвары Степановны и Петра Ивановича, 18 лет

Сестренка ВЕРА, дочь Анны Ивановны и Петра Павловича, около 6-ти лет

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, адвокат, около 50 лет

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, журналист, 30 лет

СВЕТА, учительница английского языка, 30-ти лет

АЛЕКСЕЙ, друг Александра

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ, военный в отставке, учитель гражданской обороны

ЛЕНЯ, ЖЕНЯ школьные друзья Ивана и Миши

ТОЛЯ, молочник, 65-ти лет, Мужчина в телогрейке, его жена, следователь Сидоров, милиционер...

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ и НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ, младшие научные сотрудники, лет 25

Сцена 1.

Раннее утро. Окраина городка. Конечная остановка трамвая, у леса. Возгласы молочника: «Молоко», «Молоко». Сцена открывается. Молочник ТОЛЯ, а также торгует водкой до открытия винных магазинов (11 часов); около 60 лет, крепкий мужчина, но инвалид, нет руки; справляется как фокусник: укрепляет бочку, раскрывает передок, моет, готовит ковшики. Давно образованная очередь. А также ожидающие трамвай. Забор военного училища, на котором сидит МИША. Киоск «Союзпечати». МАРИЯ ИВАНОВНА. Проходит, прогуливаясь, ПЕТР ПАВЛОВИЧ. ВОДИТЕЛЬ, привезший бочку. ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ и НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ (младшие научные сотрудники, лет 25, стоящие чуть в стороне очереди). МИЛИЦИОНЕР стоит и наблюдает. МУЖИК В СПЕЦОВКЕ.

ТОЛЯ – Здравствуйте, лица развитого социализма: лица дворянского происхождения, интеллигенты-гуманитарии, кулаки, нэпманы, специалисты-вредители, не сознавшие, просто несознательные, шпионы, предатели, космополиты, врачи-вредители ... и примкнувшие к ним...

ИЗ ОЧЕРЕДИ – Толя, свежий анекдот, а?

ТОЛЯ – Вам, на пять, десять или пятнадцать... лет

ВОДИТЕЛЬ (развозящий бочки с молоком) - Толик, тебе – первому. Полнехонька.

ТОЛЯ – Спасибо.

ВОДИТЕЛЬ – За спасибо кума в Москву пеша шла. За спасибо, я в гараже на ремонте год простою. Шучу. Я и из симпатии. А так, как всегда, по тарифу (*получает деньги, уходит; в сторону очереди*) – Не беспокойтесь, товарищи. Всем хватит; тем, кто рано встает, кому... бог подает. Чая да молока много не выпьешь.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*первая в очереди*) – Здравствуй, Толя. Как дочь?

ТОЛЯ – Кровь с молоком. Утро доброе. Бочку вычищу – хлеб с маслом.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Ну и хорошо. Ну и слава богу.

ТОЛЯ – Э, нет, не так. «Ну, и хорошо» – нехорошо. Хорошо, когда хорошо. Ла-дно, когда ладно. Страшнее, когда себя уговариваешь, «да-а ла-адно». Затворница, вечерами дома. А какое у нас хозяйство. Кров да стол. Гуляла бы по совести. В кино ходила. А там, как судьба: любовь да совет или как сложится. Нужды нет. Выкормим, воспитаем... Ох, Мария Ивановна... Как оно нынче? Не мне женихов искать. Зять я - не завидный (*наливает молоко*).

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ и НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ стоящие чуть в стороне очереди, слегка помяты

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – Так на чем мы вчера остановились... Как пишет великий философ: «Человечество в людях и народах должно само пережить и перемочь препятствия, которые

являются не только в виде личной злой воли, но и в виде сложных порождений злой воли собирательной. Отсюда действительная медленность прогресса в христианском мире и кажущаяся бездейственность и закоснение христианства».

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Ах, оставьте. Я говорил, что оставить надо...

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – И вы взмахнули рукавом и разлили... по полу...

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Я утверждаю: развитие, освобождение и развитие, и прежде всего, производительных сил, которое требует усовершенствования и совершенствования и ... общественные политические экономические институты формируются, а затем сдерживают свободу развития производительности труда... Например, возникновение бирж акций в конце XIX века. К настоящему времени на западе акция служит не столько привлечению, собиранию капитала, как на первоначальном этапе, сколько как ценная бумага на вторичном свободном рынке является предметом игры, спекуляции. И какие возможности для недобросовестной конкуренции, махинаций, формированию завышенного ложного неплатежеспособного спроса (*подходят к Толе*) У нас сбережений населения более 100 миллиардов... Нам как осознанная необходимость – самостоятельность предприятий. Как оценить самостоятельность, самостоятельность – без самостоятельности – научная проблема.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Толя, мне не доливай, не надо.

ТОЛЯ – Нет уж, примешь. Требуйте граждане отстоя пены. Летайте самолетами Аэрофлота. Храните деньги в Сберкассе на книжке. Книга – лучший подарок. Родственникам после поминок.

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – Толик. Выручи, пожалуйста, до завтра. ...

ТОЛЯ – Наберу - тогда, но до завтра. Завтра выручку сдавать...

--Мы обождем ...

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Без – «до завтра» мы, младшие научные сотрудники, не доживем на наши 90 рэ в месяц. Подлинное – дорогого стоит, дешева – отрава.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*Толе*) – В будущую субботу с тобой к своим на кладбище пойдем... Хорошо бы в церковь зайти... слаба стала, далеко, проводишь...

ТОЛЯ - ...до паперти доведу... И у ограды постою. Могилы сама поправишь.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Маешься? Зашел бы. Чего боишься...

ТОЛЯ – Знаешь. И никого, и ничего я уже не боюсь. ...Нет, боюсь, внука – хочу.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Мучаешься... Успокоиться боишься...

ТОЛЯ – Мучаюсь.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Женился бы?

ТОЛЯ – Не могу...

МУЖИК В СПЕЦОВКЕ – Толь. Дай пузырь и стаканчик. *(огляделся)* Дай – три стаканчика. Один пока еще не пью и надо похмелить интеллигентов.

ТОЛЯ – Гуляешь? Сдачу возьми. Лишнего – не надо, чужих денег не хочу.

МУЖИК – Да, нет. Для куража – устаю....Халтура – хороша, сегодня закончить надо. Уж потом гульнем...

МУЖИК – Эх, губастый *(МУЖИК налил себе полный, и до половины Илье Сергеевичу и Николаю Степановичу. Стукнул стаканами. Выпил. Губы утер, улыбнулся и пошел)*

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – Пойдите. А поговорить....

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – У нас закусить с собой...

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – Пойдите. Мы не договорили.... «Когда всеобщее оправдание добра, распространение его на все жизненные отношения, станет на деле, исторически ясным всякому уму, тогда для каждого единичного лица останется только практический вопрос воли: принять для себя такой совершенный нравственный смысл жизни или отвергнуть его. Но пока еще конец, хотя и близкий, не наступил, пока правота добра не стала очевидным фактом во всем и для всех, возможно еще теоретическое сомнение, неразрешимое в пределах философии практической....»

МУЖИК *(в спецовке останавливается. Улыбается)* - Хорошо. Хрустит огурчик. И ты хорошо сказал. И огурчик – замечательный...Ребята, есть работа – подсобными – чирик в день – но, чтобы были как огурчики... *(идет дальше)*

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Будем, как штыки...

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ *(продолжает)* -...то возникает вечный вопрос: откуда же само это зло? Если оно из добра, то не есть ли борьба с ним недоразумение, если же оно имеет свое начало помимо добра, то каким образом добро может быть безусловным, имея вне себя условие для своего осуществления? Если же оно не безусловно, то в чем его коренное преимущество и окончательное ружательство его торжества над злом?»

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Парадоксально, Парадоксально. За парадокс и держитесь, Илья Сергеевич. Тогда – и удержитесь.

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – Николай Степанович, вы широко мыслите, но надо глубже, сильнее

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ - ...похмеляться приходится...А не думать, и не делать и не пить – тоже нельзя. А что вообще мы можем делать, сделать...

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – У меня сегодня библиотечный день.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Позвоню. Скажусь – болен, дома поработаю. Без бюллетеня поверят. Толи я – есть на работе, толи – меня нет ...Самостоятельность – без самостоятельности. Как оценить самостоятельность.

Входит ПЕТР ПАВЛОВИЧ

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*подходит «мимо, не замечая очереди»*) – Анатолий, а я тебя узнал. Как не узнать. Анатолий, при всей личной симпатии, предупреждаю – опять дошутишься. Ты знаешь мою должность...

ТОЛЯ – А я рад бы тебя забыть да не могу. В кабинете вашем встречались. А вы, стало быть, снова в том же кабинете, на том же стуле. При вашей должности, что это вас самих в такую рань за молоком принесло...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Бессонница. Утро раннее, вижу: прохлада да солнышко, птички поют. Дай, думаю, пройдусь, взбодрюсь, на народ посмотрю. А то все всё дела, дела, а то, то - в кабинете, то из машины ... Ну, и чтобы не без дела бидон прихватил. (*Смеётся*) За домработницу поработаю, помогу... Без дела – не привык...

ТОЛЯ – Привычка, по ночам в темноте... труд у вас был ударный, норму перевыполняли, народ-то ленив. Что ж домработница не понимает, как вам тяжело, со сном не помогает. Женщина должно быть молодая...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Последний раз предупреждаю. Ты должен знать. Женя в те годы была осуждена, погибла.

ТОЛЯ – Не вдовец. Развестись успели. Женаты. Теперь и домработница. Да, никогда не надо путать общественное - с личным, и с частной жизнью. Божий дар с яичницей. Надо знать, где плюнуть, где колени приклонить. Да, вы – несчастнейший человек. И это я не шучу, но не жалею. Домработница пожалеет. И вы её пожалели. Молока в спецраспределителе в прејскуранте нет.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Времена меняются. Завидуешь. Видно намаялся. Предупреждал. Ведь и тогда предупреждал, выход был. Стоило подписать... Ты знаешь мою должность...

МАРИЯ ИВАНОВНА – Толя. Зачем...

ТОЛЯ – Завидую, Нет чувства выше, чем чувство исполняемого долга, а у вас в избытке, отечеству служите. Да, и я после встречи с вами посидел, посидел, жена в те годы умерла. Вот Марья за дочерью присмотрела... Да, слышал, вы тогда на повышение пошли. А потом вроде в опале были. Значит, теперь поднялись, на том же стуле. Свои люди – незаменимы. Слышал, с начальником нашего треста – в дружбе, я с его замом тоже делюсь... Так что, уважьте.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Кто и с кем делится... Анатолий, ты вроде дураком не был. Времена меняются – другие новые задачи. Нечего выковыривать изюм из заплесневевшей булки. Прошлое обсуждено и определено. Незаменимых людей нет.

ТОЛЯ – Для вас вообще людей, человека - нет. Нет человека, нет проблем. Да, у человека всегда проблемы. Всё понимаю – умней не становлюсь. Оправдания – нет. Оправдаться - не трудно, далеко искать не надо.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Думаешь, мне легко было...

МАРИЯ ИВАНОВНА – Толя. Поди... поди...

ТОЛЯ - Куда же? Я ведь на работе. (ПЕТРУ ПАВЛОВИЧУ) – В очередь встаньте, не мешайте.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Это кто у вас там и чем делится, кто с кем?! Разберемся... Инвалид.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*ПЕТРУ ПАВЛОВИЧУ*) - Петр - не беспокойся. Зачем ты здесь, не нужно. Какая домработница? Откуда? Дай бидончик, я сама принесу.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*уходя*) – Это кто у вас там и чем делится, кто с кем?! Разберемся... (хочет быстро уйти, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, выскочив из очереди, бежит к трамвайной остановке и заслоняет Петру Павловичу дорогу – Извините, на работу опаздываю. Петр Павлович – шаг в сторону. МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (как бы опомнившись) - Нет, всё-таки молока надо купить... (вновь заслоняет дорогу). И так несколько раз... ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Вы сумасшедший.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ и ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ, подходят к ТОЛЕ

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Мы к вам. Хотели токайского взять...возвышает...

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – Вы без возвышенного не можете; идеально-возвышенное... Вот уже водки приняли. Хотел отказаться – рабочего человека обидишь... ..Водка без пива – деньги на ветер. Рационально, грубо, нестерпимо, необходимо - но... истина.

(уходят, считают деньги, у края сцены наталкиваются на МИЛИЦИОНЕРА, суетливо прячут деньги)

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Я ведь предупреждал. Он всегда – здесь. Другой дорогой, надо другим путем...рощицей... Хотя и там...

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – А почему он здесь.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Он – везде. А этот Толика пасет. Толя фраерится, с ментом никаких дел, не делится. Водку на опохмел по госцене отдает. Зато вся шпана местная не трогает, за него горой.

МИЛИЦИОНЕР – Граждане, ваши документы.

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – Какие документы? Утро – раннее... только из постели, товарищ...

МИЛИЦИОНЕР (быстро ощупывает карманы) – Оно и видно, тепленькие. А с виду приличные люди... Водку у молошника брали.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Как полу-советский – полуинтеллигент говорю – твердое нет. Честь имею.

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ (во хмеле) – Жи-вым свя-то-го не пре-дам.

МИЛИЦИОНЕР - Пройдемте. Документов – нет...

М НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – как раз к шести отпустят. Как обещали на халтуру... Хрен с ним. Документов не надо.

Вбегает СВЕТА, нагнувшись поправляет туфли. ПЕТР ПАВЛОВИЧ, уходя, сталкивается со Светой

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Света, вы ... не хорошо. По-английски, не попрощавшись. Вы спали. Вы так хорошо спали. Рот приоткрыт ...и... и... Я пройтись решил, бидон прихватил...

СВЕТА – Я подумала, Вас – нет. Неловко одной в вашей комнате. Я потихоньку выскочила. И пора, работа.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Удобно, удобно. Ох, люди, люди. Может мне, Света, в первый раз открылось... Ведь ради вас... все свои годы... работа, работа. Разве не заслужил... Как говорится, «и может быть, на мой закат печальный». Нет, не так, не - печальный... Еще – не закат, ведь? Ведь вам все оставим... молодым...

(Светлана роняет флакон с духами, пытается руками собрать осколки)

ПЕТР ПАВЛОВИЧ *(почти кричит)* – Не надо. Не надо руками *(топчет битое стекло)*
Идем, идем... У меня есть для тебя... *(уходят)*

МИЛИЦИОНЕР *(отвлекается)* – Что здесь происходит. *(поднимает глаза на ПЕТРА ПАВЛОВИЧА и начинает прикладывать руку к фуражке, обрывает).*

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ и ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ топчутся на месте

- Бежим... - Может, так отпустит... ну, возьмет чуть... - Бежим... - Мы же все свои... свои люди, отпустит... *(Один тянет другого за рукав, тот упираясь? поддается)*

МИЛИЦИОНЕР НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ и ИЛЬЕ СЕРГЕЕВИЧУ) – Уберете здесь – и свободны.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ *(наклонившись)* – Ален Делон не пьет одеколон... А такие может и пьет...

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – Я бы и сам пообонял, приобнял ...

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ – Товарищ милиционер. Я убирать не стану. По-моему, контрабандный товар. Слова – иностранные.

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – А может быть и запрещенный.

Милиционер растерялся, и друзья быстренько уходят.

МАРИЯ ИВАНОВНА *(Толе)* – Возможно ли, в жизни уйти по-английски. На работе, и уже чуть под хмельком.

ТОЛЯ – Чуть-чуть требуется... «Чуть-чуть» – всегда самое важное.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Не запей.

ТОЛЯ – Где прочел: запой - как любовь? Креплюсь. А загулять уже толком не могу. Больно горько гуляю.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Перепутал. Выход из запоя – как любовь. Задумаешься – всех жалко. Только горько уж.

ГОЛОСА ИЗ ОЧЕРЕДИ – Анатолий, Я на работу опаздываю. – Толя, Васька мой, один дома остался... Как бы не натворил опять чего...

Сцена 2.

Там же. ИВАН, КСЕНИЯ, Миша – на заборе. Позже СЕРГЕЙ. Еще позже ОКСАНА

Вбегают, сцепившись кончиками пальцев, кружась, как на карусели, Ксения I и Иван.

КСЕНИЯ I – Быстрее, быстрее. Еще быстрее...

ИВАН – Не удержишься.

КСЕНИЯ I – Держи. В детстве как-то все колени разодрала, йодом мазали – не ревела.

ИВАН – Если сама не удержишься?

КСЕНИЯ I – Отпустишь? О чем всю ночь с тобой говорили – не помню, а то, что ни разу не поцеловал – помню.

Разжимает руки, и вбегает в заднюю дверь заполняющегося трамвая. На последнем сидении – Мужчина, пьяненький в телогрейке: «Еду, еду к миленькой своей...». Чуть раньше из подошедшего из города трамвая выводит СЕРГЕЙ, отходит в сторонку к киоску «Союзпечать», берет газеты, и смотрит).

КСЕНИЯ I - Устала. Хочу - домой. К отцу. Ему все -- скажу. Позже -- встретимся. Нет, потом – в парикмахерскую. Встречаемся прямо у ЗАГСА. Во сколько не помню.

ИВАН (*ставит ногу на подножку*) – Раньше, до революции: сватовство, помолвка, други, подружки, целый обряд, столько деталей... Новобрачных в баню водили...

КСЕНИЯ I – Тебе это стало интересно?.. А затем в омут, в грозу, с обрыва. Конечно, можно было бы сделать красиво. Пригласить фольклорную группу, но родственников у нас высоких нет, по телевизору не покажут... Возможно, по сути все так и было. Отец тебя, как ученика, помнит, я помню - ты ему был симпатичен. А баня – это замечательно. Понимаю... В первый раз всю ночь проходили – отец извелся небось, - а ты меня ни разу не поцеловал. Раньше домой ровно к одиннадцати возвращались - будто из театра, я уж названия пьес репертуара наших театров выучила, - а губы у меня каждое утро болели...

ИВАН – Если вдуматься, обряды -- очень интересно, мудро и умно. Народное искусство у нас только в телевизоре – не люблю... Пстой, так ты отцу еще ничего не сказала. Трусиха...

КОНДУКТОР – Молодой человек, надо таки на что-то решаться. Или туда, или сюда...

КСЕНИЯ I – Совсем, не трусиха. Бедненькие вы мои, глупенькие... Так лучше: скажу и в Загс. Там все и встретимся.

(Трамвай трогается. Мужчина в телогрейке, очнувшись: «Еду, еду. Еду к миленькой своей...»)

ИВАН – В пять, в пять

КСЕНИЯ I – Да помню я, помню...*(трамвай трогается)*

ИВАН поворачивается к забору военного училища, замечает Мишу

МИША – Эй.

ИВАН – Эй.

ИВАН – Ты как сюда попал?

МИША – Прежде всего о книге. Ты прочел?!

ИВАН – Не хочу пока обсуждать. Помолчим.

МИША – Помолчим.

МИША - «Промолчи – попадешь в палачи». Прости – выскочило. Да, помолчим – запомним. Книгу Сергею давно отдать надо было. Он нервничает, боится.

ИВАН – Ксении дал почитать. Сегодня отдам.

МИША – Зачем. Еще девчонка. Не выдержит.

ИВАН – Хочу, чтобы прочла, чтобы знала. Все должны знать. Для тебя сестра, пусть двоюродная -- всегда маленькая. И знаешь...

МИША – Всё ли? - не знаю. ...Знаю, слышал. В пять у загса. Поздравляю. И очень рад: ты и Ксения. Но ничего в этом не понимаю. «Любовь кротка.....», и «а не имею любви, то я - ничто».

ИВАН – Смейся? Придешь?

МИША -- В пять – не могу, заметят. Да и в загсе торжественная церемония?... Не знаю, не понимаю, да и скучно. Вальс, конечно, мило, но не умею. Только после проверки, в самоволке... по своей воле...

ИВАН – Когда-нибудь поймешь. Кстати, эта музыка – не вальс, а марш.

МИША – Что? Война, завоевание.

ИВАН – Узнаешь.

МИША – Я бы не хотел. Обеты, ...обеды... Семья, дети – понимаю, но – не готов. «Есть между нами незримая связь» – необходимо и достаточно.

ИВАН – Тогда и узнаешь, зачем, почему...

СЕРГЕЙ (в то же время, *он притаился, слушает; киоскеру*) – «Плейбой» - нет? Уже разобрали? Или не подвезли? Правильно, товарищ, смело смеемся над мелкими недостатками розничной торговли. Ахматовой, Мандельштама – тоже нет. (*оборачивается к ребятам*) Привет, друзья. Хотите анекдот - «Правда» - нет, остался «Труд» - за две копейки. Слушайте еще анекдот: подписи к фотографиям в журнале «Плейбой» (*читает названия передовиц газет*): «Хлеборобы перевыполнили план не смотря...», «Мир содрогнулся от американской агрессии»..... «В мире научно-технической революции». «Труд наш – есть дело чести», «Народ одобряет действия партии. Народ и партия едины».

Миша и Иван молчат,

СЕРГЕЙ (*Ивану*) - Так что она должна узнать, знать; На какие вечные вопросы ответить... Обратимся к древним. Грек с обочины спрашивает у Вакха из проходящей процессии

Диониса – Что лучшее для человека? И слышит в ответ – Не родиться, а если уж родился поскорее умереть. Эвоэ... А вот из неофициальных источников, на заседании Политбюро рассматривался вопрос о расширении и углублении свободы печати в период развитого социализма. Прозвучал вопрос: «Мы ввели танки в Чехословакию, а кто введет - к нам», и вопроса – нет, и –ответа нет...Думали, они там шутить не умеют... И у них есть убеждения. Однако ваше неловкое молчание затянулось. Словно я проигрался. Проиграл. Словно я перед вами в чем-то виноват... Я, конечно, – равнодушный член комитета комсомола, с аспирантурой поможет, учеба – не отвлекает от более интересных дел; а моральный кодекс строителя оставляет вопрос – «Почему я хороший такой?», может, для народа и полезно, но я смущен. (ИВАНУ) А вы думаете: какой я плохой. Вернее, ты ко мне равнодушен. Я на собрании, если что – воздержусь, но это будет так трудно для меня, и не без последствий. (достаёт сигареты и зажигалку, угощает. Иван отказывается, Миша курит). – «Мальборо». Пачка – рубль, контрабанда. Зажигалку с лейблом Colibri Monopol один инвалид делает, внешне не отличишь, и лучше.

МИША – Я возьму и для ребят, попробовать.

СЕРГЕЙ – Для солдатушек скинем. (продолжает) – Так, что же она должна узнать. Общественная жизнь – ужасна - закономерное развитие болезни, обусловленное наследственностью и образом действий. Жизнь – просто ужасна, экзистенциально. Включает в себя - смерть. Или смерть не принадлежит. Либо смерти нет, либо меня – нет. Или как та, в твоей Иван любимою Антигоне – «Что значит без нее. Её – уж нет». А мне нравится. Хотя слова эти тоже нравятся. ...А в России можно только верить. Вера в любовь. Ею спасаемся. И ты (Ивану)кого-то, наверняка, спасаешь – ее спасаешь, или меня, или ты нас от нас спасешь. И не боишься, может зря –не боишься...Бояться – не надо, но будь осторожен.

ИВАН - Вечером, мы в нашем полуподвале соберемся. Я всех из школьного драмкружка позвал. Не виделись, как по институтам разбежались. Может, вновь встретаться будем.

СЕРГЕЙ – Значит, я в числе приглашенных. Значит будем снова встречаться... Приду, обязательно буду... поздравлю... Говорят. Веселое дело. А мне нравится. «Как много девушек хороших. Как много ласковых имен...» А с вами и поговорить не получается... (уходя) ...Книгу уже могу за столы уступить

ИВАН – Я порой в каком-то мороке... Не могу понять, как ты в военном училище оказался? Летом пропал куда-то, и вот...

МИША (Ивану) – Голова моя в тумане или, наоборот, ясная летняя погодка... И как всегда по глупости. Матери сказал: «В институт не вернусь, не хочу». Идеология, политика – не моя специальность. Кстати, политика в переводе – просто искусство управления и тоже не моя специальность. Мне бы себя воспитать, с собой разобраться, собой управиться (смотрит на небо)«Солн-це вста-ет». «Наворочит же мне заря...» Всё- цитаты. Слова, слова, слова. Все – определенно, скучно, все – понятно, и все мне теперь – не понятно...

ИВАН – Но цитаты мы сами выбираем...

МИША -- Забрал документы. Мать молчит: «Вуз - престижный. Что ж теперь в армию?». Настроение было: «Чего хочу? Чего не хочу?» Но в голове легче стало и яснее. Чего не хочу, кажется, узнал. В экспедицию хотел устроиться...навсегда... И вдруг на сердце тяжело стало. Получалось, с матерью на всю жизнь расстаюсь. На время в деревню уехал.

Там старик знакомый. Хотя какой он, старик – на вид только. Десять лет отсидел, уже сейчас, по политической. Ему в городе жить запрещено. Они журнал издали на печатной машинке. Первый номер по обкомам развезли, разослали. Органы напугать успели. Экономическая программа – «шведский социализм...», ну и духовное христианское возрождение... Только первый номер и вышел. Один студент из их кружка на каникулах председателю родного колхоза в почтовый ящик положил. На допросе тоже был искренен, в камере с ума сошел... Я в деревне по хозяйству помогал, разные книжки читал, в лес ходил. Хорошо. Вернулся, - отчим все устроил, без меня – «перевод в военное училище». Дисциплина, конечно, хорошо. Но в армию в мирное время, безусловно, не хочу. Помнишь, предисловие к сборнику статей: «...Я решаюсь издать эти опыты, хотя чувствую всю их субъективность, непоследовательность...отрывочность».

ИВАН – Почему отчим?

МИША – Да, так вот оказалось. Петр Павлович, он - мне не родной отец. Тетя, Софья Львовна, выкрикнула. У Марьи Ивановны переспросил – промолчала. Значит правда. Уже в училище чуть опомнился – форму я не люблю, форма мне не идет. Знаешь, в твоей пьесе с формой тоже проблемы...И здесь проблемы. Главное: присяга впереди... Исполнять все приказы командира -- не приемлемо. Честь свою доверить не могу. Подумав, были бы и денег – не доверил. На первом политзанятии ко всем вопрос, кто наш главный враг? Так и не понял американский империализм или сионизм?

ИВАН – На заборе сидишь – заметят.

МИША – Да, все время чувствую себя – как под дулом пистолета. И так тоже жить -- не хочу. Дурно, тоже не хорошо, по-моему. Возможно, я просто трус.

РАЗДАЕТ ОКРИК: «Мишка, к замполиту».

ИВАН – Тебя?

МИША – Угу. Вчера на политзанятии приказ зачитали. Парень один недавно в училище повесился, в нужнике во время внеочередного наряда. Я немного его знал, может и ты ... Здоровяк, крепыш, из деревенских и... верующий, даже воцерковленный,.. ходил. В нашей школе в старшем классе учился. Я к нему заходил, о книжках спорили, часто вместе молчали... так, ни о чем, а может о самом главном. Парень, способный, все говорили. Из училища - в Москву на мехмат хотел перевестись. Получил письмо с мехмата. Предлагали приехать, на собеседование. Руководство училища против... Как он смог.. как он мог... и почему. Ну, в приказе: «...психически неустойчив, физически слаб...склонность к уединению, хотя беседы регулярно проводились». И кое-кого в запас. Я хочу обрести веру. Я хотел бы... На политзанятии я что-то задумался, чуть задремал, очнулся, неловко стало, - руку поднял и вопрос задал: «Правда ли, что советский солдат в случае угрозы плена или самого плена, должен был совершить самоубийство?»

ИВАН – Замполит что?

МИША – Ответил. «Этот вопрос может интересовать только тех, кто собирается сдаваться». Кстати, мужик -- хороший. Я пока сдаваться не собираюсь,.. и кому? Кому бы сдать... Девушке хорошей, доброй, симпатичной. Ау, ау... Им сдаваться не собираюсь...

ИВАН – Что значит «хороший»? Ты задумывался, кто для нас – «они»? Кому – им?

МИША – ...Я никогда не признаю необходимость зла...

ИВАН – Христианство осуждает самоубийство, а древние греки признавали, что в определенных условиях человек может лишиться себя земной жизни. Многие имели при себе, под рукой яд. Думаю, так легче жить по своим убеждениям. И даже, кажется, большинство древних философов так и поступило. В принципе и Сократ ... Их представления о загробной жизни – отсутствие воли...

МИША – Древние и...не очень. Ты у нас умен. За-гроб-ной жи-з-ни...Отсутствие воли, желаний, стремлений. Кстати, выучил. «Нет дня, чтобы душа не ныла, Не изнывала б о былом, Искала слов, не находила, И сохла, сохла с каждым днем, – Как тот, кто жгучею тоскою Томился по краю родном И вдруг узнал бы, что волною Он схоронен на дне морском. Как ни тяжел последний час – Та непонятная для нас Истома смертного страданья, – Но для души еще страшней Следить, как вымирают в ней Все лучшие воспоминанья...» Прости. Снова – цитата. Выучил, но пока не понял. Так почувствовал, что грозит...Думаю, парень еще верил, что руководство училища – добрые люди, и желают ему доброго. Объясниться пытался – не по уставу - наряд вне очереди, нужник чистить. Странно, в истории, литературе герои самоубийцы – чуть ли не более интересны...

ИВАН – Ты бы запретил?

МИША – Не дай бог, стать мне цензором... и для меня, и для всех... А мы, все-таки, должны радовать друг друга... Все-таки... Почему же он, как же он, а? А я -- шут. Шут – я, шут. Вчера в конце вечерней поверки его фамилию выкрикнул. Небо ясное, звезды... Однако, получилось, он навеки зачислен в списки курсантов...

ИВАН – И что?

МИША – Тишина. Вот к замполиту вызывают. Мне бы в цирковое училище – клоуном. А к замполиту неохота. Наговорился. И знаешь, и у нас разговоры, разговоры, разговорчики в строю... Пора определиться.

ИВАН – Мы верим в свои слова... От них никуда уже не деться...

МИША – «Я ниже подписавшийся ненавижу слова, которым не больно произноситься...» Цитата.

ИВАН – Не точно. Кажется, не боязно...

МИША - Так с кассеты... Шум, как по радио из-за бугра.

На сцене девушка, Оксана, она то идет медленно, то прыгает как при игре в классики. Мишка внимательно смотрит на нее, и прыгает с забора, пошатнувшись почти нечаянно обнимает девушку, удерживается за нее. Девушка не сразу понимает, откуда он появился

ОКСАНА – Что с вами? От куда?

МИША – «Прыжок и я в уме». Цитата. Померещилось. И я вас раньше в нашем городе не видел.

ОКСАНА – В институт приехала поступать. Когда мерещится – креститься надо.

МИША – Тогда уж и венчаться. «Я б мог жизнь просвистать щеглом, заесть ореховым пирогом...» -- цитата. Вы уверены, что креститься надо, тогда уж и венчаться. «Легкий крест одиноких прогулок...» -- снова цитата. В какой?

ОКСАНА – Медицинский.

МИША – Благородно. Но, чур меня, чур. «Красота – страшная сила» -- цитата. Простите. «Спасет мир». Цитата.

ОКСАНА – Вы на своих ногах держитесь.

МИША – Извините. Так, у нас в городе в общественном транспорте можно и повисеть... Нет, нет никак декабристы... и не на танцах. Я конкретно - в общественном транспорте

ОКСАНА – Извиняю.

МИША – Нет бы, простить. Пойдите, не уходите. Вы имеете возможность познакомиться с начинающим драматургом нашего города. Я вас представлю. (*Берет за руку, подводит к Ивану*). ИВАН. А вас как зовут?

ОКСАНА – Оксана.

МИША – Миша... Очень приятно. Но мы отвлеклись. Мой друг молчалив. Кто пишет, тот молчалив. Мы как раз обсуждали одну сцену его пьесы, написанной еще в школьные годы. (*Ивану*) Дай-ка мне (*достает у Ивана из портфеля рукопись*) Хотя, по-моему, похоже на оперу. М-да,.. но сейчас все пишут оперу, оперуполномоченному. Он – первый главный читатель. И нам нужен совет. Представьте. Весна, что уже не соответствует исторической действительности. Необходимо кое-что объяснить. Времена интересные, после крещения Руси. Святополк – сын полоцкой княжны Рогнеды и князя Владимира, крестившего Русь. Владимир в юности, посватавшись за Рогнеду и получив отказ: «Не пойду за сына рабыни», захватывает Полоцк, убивает ее отца и братьев, а саму Рогнеду, по словам, уже беременную, похитил в жены. После кончины Владимира, Святополк несколько дней скрывает смерть отца. Некоторые источники утверждают, что смерть князя скрывали киевляне от Святополка, который как старший сын по политическому обычаю того времени правомерно претендует на престол, оспаривая последнюю волю князя -- передать правление в Киеве сыну Борису, воспитанному в христианстве. Борис, в этот момент – в поле, во главе войска, для борьбы с печенегам. Поддержка киевлян и войска на стороне Бориса, но тот, ясно сознавая опасность; по сути, неминуемую смерть, все-таки распускает воинов: «Как подниму руку на брата старшего». Слова Бориса перед смертью: «Помощь только от добрых дел, нелицемерной любви и Святого духа». Красиво, неправда ли. Я имею в виду, вдруг – «правда» или «истина».

МИША читает

МИША - за БОРИСа... жду гонца из Киева, чувствует сердце мое беду, гложет тоска его... но не могу поверить в смерть отца, как жить со смертью его... (*ИВАНУ*) Иван помоги. Давай.

ИВАН (*продолжает*) – ... распахнув полог шатра – в лицо порыв ветра бросает влажную темноту; по серому, еще ночному небу как дым оставленных пожарищ медленно плывут облака - прохожу мимо спящих у догорающих костров воинов. Тайная надежда ведет меня в открытое поле вдоль чернеющего леса, поднимает на холм. Издалека слышно, как ветер

стучит заиндевевшей тканью полога. Надежда увидеть созданное Тобой... И душа моя обрела бы смирение и радость нечаянную. Каждое утро тускнеет одинокая звезда на светлеющем небе. Белый свет стеной стоит передо мной. До самых сумерек брожу я будто ребенок, не замечая луж, неуверенными по слякоти шагами. Хмурое небо нависло над бровями моими. Взор, когда-то ясный и смелый, словно боится сорваться в пропасть, прикован к земле, талому снегу, словно потеряв в нем что-то. С грустью и нежной болью я всматриваюсь в этот тающий с черной горчинкой снег, покрытый корочкой коросты. Корусть жалости к себе тает у меня на сердце. Весеннее солнце, оно плывет по чистому голубому лугу неба, наполняя огнем стеклянные бусинки тающего снега. Я так надеялся после дней разлуки увидеть отца, услышать его ровный спокойный голос... ещё не рассвело, утренняя служба, в прохладном храме полумрак и тишина, несколько свечей теплятся у ликов святых, озаряя их – и страшное чувство нежности и жалости я испытываю к отцу своему, будто не я, а он – мой сын. Отчего же так смутно и тревожно у меня на душе, отчего целый день будто мутный поток талых вод брожу среди тающего снега, и только вечером, когда морозом прихватит землю, схватит льдом бегущую воду, когда в темном, до твердости ясном небе горят гордые звезды, деревья окаменело несутся вверх, а их голые ветви на тонком голубом крае неба напоминают кочевье, мне становится легче. Отчего ты мучаешь меня, Господи. Ради слов Твоих Господи, ради слов...

МИША - В пьесе ...Ой, ля-ля... Одна из финальных сцен. Борис не убит, а смертельно ранен. У стен Киева встречает любимую, которую Святополк сделал своей наложницей. И, конечно, появляется также смертельно раненый Святополк, уже перед бегством в Польшу. Весеннее утро, обрыв, спуск к реке, солнце сквозь волны тумана, блестят луковки церквей.

МИША – За Анну... Все окутано тенями. Плакать или петь. Ночь спокойна в предрассвете, и лиха беда. Кто-то плачет здесь надрывно, кто-то шепчет «Да». Как тихи слова и жутки. Светлый ветер тронул ветки. В синей синеве Стая галок загалдела, может обо мне. Рассвет, прозрачный свет течет сквозь ветви, И очертания предметов проступают. Ночь отступает по стволам деревьев. Рассвет. Ты словно весть. Рассвет. Я -- ночи дочь? Я – утро?. Смерть или начало несешь ты мне. Сверкает утро. Тени исчезают. Но медлит штору опустить моя рука, и может навсегда...

Миша подбирает на тротуаре мяч бросает Ивану

МИША - Ну давай, давай...Зритель, пусть единственный, но ждет, готов слушать...Даже готов слушать!.. Ночь. Пурга. Как далеко до первого жилья...

ИВАН - Князь БОРИС... И темнота, и белые снега летят в глаза. Запутались поводья. Голова как будто навсегда клонится долу. Почувяв мертвеца, Натянута струна. Но наст крошится, обжигая ноги. В испуге, не найдя дороги, Как прорубь, стягивает тьма. Молитва выведи меня. Пускай слова как хлопья снега, Пускай в неволе, и бреду, Тобой железный обруч разорву, Я знать хочу, чем я еще живу. Еще надеюсь На скрип полозьев, День морозный, Веселый бег И снега чистоту...

МИША (*ОКСАНЕ, указывает место в листе*) – За Анну. Здесь.

ОКСАНА (*читает*) - Мы бежим, ломая наст снега, подтаявшего за день, верхнюю кожицу его. Мякоть попадает в открытые рты больших не по размеру валенок. От холода промокших ног становится весело и немного жутко. Подбегая, слышим, как по дощатому полу нетерпеливо перебирает копытами лошадь. Лязг засова, ворота с шумом

распахиваются, и из конюшни медленно выбегает огненно рыжая кобыла. Делает несколько шагов к темной стене леса, над которой висит медный шар закатного солнца. Я вижу брата, лежащего навзничь с раскинутыми в безнадежной попытке поймать ее руками. Мощное тело кобылы, наполненное страстью и свободой, взрывая толщу нетронутого снега, утопает по грудь, играя лучами заходящего солнца, переворачивается на спину и опять удаляется к лесу. Голубая полоса неба над темнеющим лесом наполняется глубиной. Ресницы сумерек ложатся на снег.

ИВАН – Борис... Как хрупко чувство, как любовь тонка. Как будто бы зверька или зверя всю зиму долгую держали взаперти, в глухой и темной клетки, чтоб раннею весной, когда и снег не стаял, его пустить на волю, на свободу – спрятав охотников, собак в соседней роще. Чтоб он, остановившись в поле, почувствовал свободу и запах леса, носом поведя, и бросился в свой край родной и милый. И в тот же миг спустить собак, и гнать его, и гнать, травить, чтоб на бегу, на бешеном бегу мог только узнавать родные запахи, приметы – и вновь бежать. Так гнать его и гнать пока не обессилит, и ляжет на снегу, и станет снег лизать, беспомощно хватая воздух. Тогда – убить... или оставить.

МИША (Оксане) – Здесь.

ОКСАНА - АННА -- Не любя – губя, Ты пришел в мой дом. И завел ты речь О себе одном. Говорил ты так, Словно пил вино, А закат смотрел Лишь в мое окно. Не любя, губя, Свет во двор Всю ночь, Но не встала я, Утро час пришел. Головой встряхнув, Робко посмотрел. За порогом -- скрип, В глазах – белый крик. И с тех пор, тех пор Смотрит день в окно, И свеча горит, А в глазах темно. Не любя – губя, Будто невзначай, погубил меня. Да и сам пропал.

ИВАН - Князь-БОРИС –...Любимая. Как бусинка горит В весенних сумерках и тает твое имя. Весна. Распахнуто окно. Закат. На красных кирпичках стены напротив. И в сумерках палаты. Склонился день, и в воздухе повис Веселый смех ручьев на тонких ветках. Густеют сумерки, и свечи зажжены. И синие ресницы легли на талый снег, Что днем слепил до слез, но с черною горчинкой. Куда же, на ночь глядя, еще храня домашнее тепло, Нас тройка мчит, расплескивая лужи, Дождь хлещется в лицо, И ветер, сбившись с ног, продрог насквозь, И дует на разбитые коленки. ...Легко укутываюсь в сон.

Завороженный лес зимою. И тайной чудной, неземною твое лицо передо мной. Странная это судьба, Смертью любовь поена. Древнею жаждой томит, Скорбь в углах губ затаит. ОКСАНА - АННА – Борис. Зачем ты, здесь? Прости, не так хотела я спросить. Ты всколыхнул во мне воспоминанья и чувства давних дней... Я - малышом во мне - живу. Как улыбнулся мне, заботою одной о будущем младенце. Когда ты покидал после болезни долгой, после раненья Киев, тогда я от тебя не отходила. Я верила, что я спасу тебя. Я видела, как оживали твои глаза, когда меня ты видел, я чувствовала – кровь твоя быстрее растекается по жилам, лишь прикоснусь я. Тогда ты испугался, что твое страдание, одно желание: «Спаси тебя», меня к тебе влечут. Тогда берег мою свободу...

ИВАН - Князь-БОРИС – То было время, когда послов Владимир в разные державы послал, чтоб те узнали обычаи и веру разных стран. К нему, без спроса я вбежал. Отец, Владимир на лютне струны грустно так перебирал, что я припал о, к милым мне коленям. Отец играл моими волосами... Был легок бег. Был год. По площадям лучей палящий гнет. Отцветшие глаза с надеждой поднимались К пустому и белесому пространству. Солнце высоко, играло и цвело, И жгло обиду напрасной. Зрел виноград, И вишня набирала сок свой красный. Все пило лета золотистый яд, И благородства дерево лишалось. Сомненья червь

изгрыз высокий стан –И полыхнуло желтою соломой. Как сух огонь, как монотонен ад. Зеленый дышит сад. Спадает жар, и прячется под кроны. И мы бредем притихшим садом С надеждою и страхом, Что каждый новый шаг Окажется – последним.

МИША – Я - за Святополка - Туман, туман. Как покрывало, скрыв дорогу, над снегом ключьями, обрывками несется. Обманом хочет заманить – куда? Гоните же скорей. Кто там скрывается в тумане. И оттепель, откуда в феврале. Как вязнут ноги лошадей. Скорей. Немеют руки. Холодно. И что-то липкое и капает на снег. Темным, темно, темней. Гори огонь сильней, И в пламени огня гори Душа моя. Быстрее, быстрее, быстрее. Лети мой верный конь, Ведь в стремени твоём – о, рвись, душа моя. Сильней, сильней. Сильней. Руби мой меч руби. На лезвии твоём моя душа – скорей. Прямей сосна, прямей. Разверзтесь небеса. Пусть гром гремит, и молний свет в круг освещает. Я в отблеске огня, в беззвучной тишине, по лезвию меча, на верном скакуне, где гордая сосна лишь головой качает... А, если упадет, конь ногу подвернет, костер погаснет и рассвет настанет, Я и тогда налью себе вина. У кубка моего нет дна, и он всегда со мною.

ОКСАНА – АННА... Зачем, моя любовь потребовалась вдруг. Когда в твоих глазах горел огонь желанья, сперва обманом, а затем словами меня увлек. Тогда я для тебя существовала? О, что -- в моем лице тебя влекло так страстно. Тебе я... отдалась, твоей рабыней стала, во всем покорна воле и судьбе, забыв отца и долг, одним с тобою воздухом дышала. ...Я все ждала. Чего же я ждала?

МИША - Князь-СВЯТОПОЛК - О, чаша смерти полная вина. Как ты спокойна В глубине бездонной Огонь играет Темнота ярка. О, чаша смерти полная вина. Уж наклонившись, вижу – алы губы, глаза твои м странная улыбка Меня влекут и молят, молят: «О, погуби. О, полюби меня». Уста так близко, близко. О, пригубить, вину испить до дна. Но знаю, лишь коснувшись, -- тишина взорвется. ... Уже душа болит колодцем, Где темный всплеск воды Не напугает тишины И птицей не взовьется. Не зная свежести глаза, Как воробьи в пыли, Вобрали всю тоску с себя, Как хриплый крик: воды, дождя. А в небе, в обморочной голубизне пес желтый возлежит на тризне. Зной гложет плоть. Обуглены дома. И в каждой жизни смерть видна, и яростью все дышит... Ты для меня – то солнце, то тюрьма.. Желая солнца, я сделал шаг, но, не достигнул солнца. В темнице темной: страх, сырые стены, в окне решетка – Там все тоже солнце. И в мире есть одно: желание и воля. Желать? Желать лишь можно - солнце. Что для меня уже не выносимо. Как только приникает взгляд к оконцу, лучи горят пожаром. Я был хоть старший, но нелюбимый сын. Тому причина рождение мое. У нас закон ни для кого не интересен. Я – старший сын, Владимир же любил Бориса и жаловал ему свое вниманье, похвалы за мнимые заслуги, и брал с собой на сбор советников старейших, куда меня порой забывали пригласить. Когда являлся я, то словно гость незванный, мне должного почтения не оказывал никто. В их спор я не вникал, казался, мне смешон, и даже раздражал, из своего угла я только наблюдал, лишь тайному желанию внимая.

МИША- Князь-СВЯТОПОЛК...Оставь все здесь. Бежать, бежать...

АННА-ОКСАНА – Бежать. Но, сын, мой сын...

Князь-СВЯТОПОЛК -- Помехой лишней будет...Или сама умрешь.

ИВАН - Князь-БОРИС... Покайся.

МИША - Князь-СВЯТОПОЛК. также тихо... Нет.

ОКСАНА (*смеется*) – Ребята, сейчас осень, и вы оба в луже. Чуть не обрызгали меня всю. Мне понравилось. Вы не знаете: улица Коммунистическая 20....

МИША – К кому вы там? (*объясняет, как пройти*) – Сначала по улицам: имени Сен-Симона; Адама Смита, Фейербаха и Гегеля.. Затем улица - имени Карла Маркса и Фридриха Энгельса, дальше много темней и действенней. Освещения нет. Все фонари побили... Так что, небезопасно. Хотите, провожу. Можно параллельными пройти. Там у нас – по параллельной улице - все русские писатели-классики. Но мы их в школе прошли. К кому вы?

ОКСАНА – Лучше уж сама...Еще светло, утро.

МИША – Красивая. (*Ивану*) Можно теперь я за Бориса. (*Громко, вдогонку уходящей Ксении*2. *ОКСАНА обернулась, уходит, слушая*).

МИША - Наверно, лгу опять. От твоего дыхания пух голубиный Обнажает раны – беспомощность и незащитность жизни, И отливает обмороком руки В молитвы жест иль жертвоприношения. ... Пусть на ветру одна, Дрожит листва еще холодным утром, Пустого неба хрупка скорлупа, И залит переулочек зябким светом. Пусть на ветру одна. Горячим пульсом бьется боль В твоих руках. В глазах И волосах, мятущихся под ветром, Заключена трагическая связь С весенним утром. Сбившийся с дороги, Открытый всем ветрам Бродяга-перекресток с иконами окон В пресветлый храм Тобою превращен. Смешав цвета заката и зари, Законченность и строгость обрели Порывы ветра, камни белых зданий. Вот чуть теплеет утро – чувство. Открыто глубоко глазное дно. И небо сердце как свое дитё За локти поднимает к небосводу. Желать. Вновь обрести желанья. И – умереть. Как талый снег В последний раз, еще сильнее, влюбленной На солнце я смотрю. Туман рассеялся. Туман съедает талый снег. И все же умирая, Увиденным, возможным ослеплен. Бреду, захлебываясь воздухом и светом, Отталкиваясь, падая от волн И мостовой не замечая края, Тая и тая, Ты все передо мной. Мне не достать до твердости домов, Не дотянуться ртом до края неба, -- Но верю: память обо мне живом Дождем раскроет каменное небо. И засверкают лужи, щебеча И прыгая меж них, игру с бедой затея, Ты к небу будешь поднимать глаза... Облизывая губы от дождя, Как ест мороженое девочка украдкой, Ты ощутишь на кончиках ресниц Дрожание росы от солнечного света Твой легкий будет шаг по призрачным рассветам, Прочтешь на белой твердости домов моих стихов всю искренность и ложь... И улыбнешься согретому внутри Обмылку голубого неба...

Дрожу, Всем телом содрогаясь, слышу Всхлипы детские. Неясно бормотание. Сквозь звук гортанный – горе говорит. Ревет бессвязно море. Горе – толчками молний Разрывает поднебесье – И кто-то нужен здесь, живой, идущий По разрывам молний И пьющий чай с тобою торопливо. Поддерживать за локоток, растить ребенка... После занятий буду ровно в шесть.

МИША – (*Ивану*) Сцена должна дышать глубоким покоем. Тебе, не кажется, твой Борис любит только смерть. Пора бы и нам согласовывать свои поступки и мысли. О каких это я занятиях?

ИВАН – Действительно, шут. Ладно. Придешь?

МИША – Вечером обязательно. В самоволке. (*Смотрит на высокий забор*)

ИВАН – Эй.

МИША – Эй. *(Расстаются)*

Звучит голос дяди Толи: «Мо-ло-ко». «Мо-ло-ко».

МИША - Не попал, «в молоко». *(Смотрит на высокий забор. Подрыгивает, но не может подтянуться, шлепается)*. Марья Ивановна права. Я умру под забором...или у забора ... Однако, очевидно на современном этапе – не обезьянка... «Господь, дай обрести страданье и мертвенность моей души рассея...» Цитата *(уходит в сторону города)*

Сцена 3.

Коммунальная квартира. Кухня. Общий холл, коридор, «все – нараспашку». В коридоре сидит на табуретке ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, АДВОКАТ. Из комнаты Федора Ивановича, отца, выбегает Ксения1. ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Позже МАРИЯ ИВАНОВНА, ПЕТР ПАВЛОВИЧ, МИША, СВЕТА

КСЕНИЯ1 – Он любит меня!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Так женихом или мужем?

КСЕНИЯ1 – Он любит меня!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Если он любит тебя, то почему он не пришел ко мне.

КСЕНИЯ1 – Я... я люблю его! Я люблю его!.

Ксения1 выбегает. Хлопает входная дверь. Федор Иванович проходит на кухню и курит у окна. Входит МАРИЯ ИВАНОВНА с бидоном молока.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Дверь у нас всегда нараспашку. «Когда беда стучится в дверь... Оставьте дверь открытой...». А у нас всегда. Можно и не стучаться. Василий. Здравствуй. ПЕТРА ПАВЛОВИЧА дожидаясь. Рано еще.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, – Здрати. Где его потом застанешь. Всё на людях работает: совещания, заседания... А у нас – кон-фи-ден-циальная, хотя друг другу не доверяем. Приватная встреча. Хотя имеет общественно негативный характер, но одному, на мой взгляд, хорошему человеку может помочь. Ради нее, ох, раненько поднялся.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Ох, Василий. Неужто, иначе нельзя.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Ох, Марья Ивановна. Знали бы, как бы хотелось. Сейчас – нельзя. Да, и боюсь – привык. Проще и выгодно. Когда-то хотел...

МАРИЯ ИВАНОВНА – А ты вновь захоти. Никогда не поздно *(проходит в кухню, Федору Ивановичу)* – Накурил, света белого не видно. Молоко взяла. Ксения появилась. Дверь-то опять нараспашку.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ *(вдогонку)* - Я помогаю людям, которые хотят себе помочь. Да, я делаю свою работу по негласному контракту, и делаю её хорошо, и в ней много творчества. Да, опираясь на знания, существующие законы и властные структуры; да, используя свои связи и возможности. Да, это борьба в зале суда. Да, в интересах клиента. Да. Да. И еще много «да». А вот вступить здесь нормальному человеку можно только в одну партию, что гонят по Владимирке...я и спасаю...

МАРИЯ ИВАНОВНА (*обернувшись*) – Вася. Неужто обидела.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Была.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Ну, и, слава Богу. Жива, здорова. Молодо-зелено. Гуляют всю ночь, словно злые, лихие люди перевелись. Страха – нет. А вот домой боялась позвонить. Божий страх есть, но больше из жалости. Если тебе боялась позвонить, меня подозвала бы. Убежала. Молодо-зелено. Бывало и я... Сколько прошу, -- нет, дверь всегда нараспашку. Убежала. Хоть бы молока выпила.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Совсем ушла.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Прибежит. Ты чего, это? (*смотрит на него*). Ночь не спал. Иди, отдохни немного (*иронично*) Скоро в школу. Учитель ботаники. Ботаник.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – У меня сегодня свободный день. Ксения замуж выходит. Теперь я – совсем свободный.

МАРЬЯ ИВАНОВНА – Что это у тебя всегда всё так трагично. Когда, за кого... А, жена, Тоня... Не знаю, кто здесь свободный человек. Кто из вас – свободные люди. Не знаю. Все вы – свободные. Мне бы ваши заботы. Впрочем, пожалуй, не надо. Слава-те господи, пережила. Моё дело – забота, чтобы чисто...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Знаете, Мария Ивановна, - не знаете, - я в лотерею автомобиль выиграл. Из школы сообщили. Тоня будет рада. Билеты вместе с зарплатой распространяли. Кто-то, видимо, номера переписал, из школы поздравлять придут. Надо бы приготовить...

МАРИЯ ИВАНОВНА – Что ж такой невеселый, что ж тебя ничего развеселить не может. Как водой окатили. Вот, ведь – выиграл, не украл... дочь замуж выходит...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Лучше бы, украл. Да и неправда, я - весел, и на людях шучу...

МАРИЯ ИВАНОВНА – ... шутишь – мне смотреть больно.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Марья Ивановна, я – хороший человек?

МАРИЯ ИВАНОВНА – Что на тебя нашло.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – В детстве хотел быть хорошим, хотел иметь оправдание, чистую совесть....

МАРИЯ ИВАНОВНА – Сокрушенного сердца Господь не презрит. А сама промолчу. Ты уж прости.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – К себе пойду.

Они выходят в коридор. За дверью туалета браво поют: «В своих дерзаниях всегда мы правы...», и выходит Петр Павлович, напевая, поправляя подтяжки, словно не замечает АДВОКАТА. Сталкиваются Петр Павлович и Федор Иванович, кивают друг другу, но молча и быстро...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*решившись, удерживая за локоть Федора Ивановича*) – Извини, Федор, что прерву наше многолетнее молчание, но у меня сугубо деловой разговор. Ты у

нас теперь -- автолюбитель, точнее автовладелец. Личный транспорт. «Волга». Уважаю. Как видишь, нам все известно. Ну, ты понимаешь. А я вот к государственной привык, ... но... да,.. ты понимаешь,.. не всегда удобно,.. да и надоело оглядываться. Конечно, давно мог приобрести и личный, деньги позволяют, и возможности есть. Но, опять же, ...ты поминаешь,..не все у нас еще сознательные, понимают: автомобиль -- не роскошь, а средство передвижения и продвижения. А мы с тобой, так сказать, родственники. Твоя сестра – моя жена. Ты ведь лотерейный билет на деньги будешь менять, тебе автомобиль, как козе рога, тьфу, пятое колесо, тьфу. Ты же понимаешь. Нужен гараж, бензин, ремонт, запчасти... Так вот, я бы хотел купить у тебя билет, и чуть подороже. Представим как подарок сестре. Твоя сестра – моя жена... Общество развивается... И между нами на самом верху чувствуются... Ну, ты понимаешь...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ молча, *растерянно движется к себе в комнату, у двери*) – Всё понимаю - умней не становлюсь...

МАРИЯ ИВАНОВНА (*в угол, АДВОКАТУ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧУ*) – Все ждешь?

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Слушать – главная часть моей работы.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*громко*) – Петр Павлович. Здесь вас ожидают.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – А, это ты... нанятая совесть...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*встает из полутьмы, чуть громче обычного, для Федора Ивановича*) - А сколько ваше, Петр Павлович, «чуть-чуть» стоит? «Волга» по госцене – 9 тысяч 160 рублей, чтоб быть точным, на черном рынке – больше 15... Или... или чуть-чуть больше, чем цена лотерейного билета...

Затем шепчется с Петром Павловичем и передает ему конверт

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Как договорились.

Петр Павлович, чуть отвернувшись, вскрывает конверт, считает деньги

ПЕТР ПАВЛОВИЧ -- Не много себе берешь. Сколько ты себе берешь?

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Клиент – мой, работа моя, так что к вам никто и вопроса задать не сможет, нужно – ваше решение, юридически оправданное, если без идеологических задач. Не надо идеологических задач, Петр Павлович, не только вы о нас, но и мы о вас все знаем, понимаем. Или вы хотите напрямую с клиентом работать?

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*отделяет от пачки банкноту*) -- Марья Ивановна. Вот возьмите за уборку

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Так вы договорились Марья Ивановна. Чирик – в месяц.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*Петру Павловичу*) – Так ты утром во дворе сказал, у тебя новая домработница. Интересно, Петр. Зарплату тебе на дом, по-прежнему, в конверте присылают? При Сталине тоже в конвертах получал.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Власть всегда нуждается в деньгах...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – В средствах. У нас есть цель, а ты...для чего живешь...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – На плакатах не написано. И не могу работать бесплатно, не нахожусь на государственном обеспечении. Часть зарплату в Фонд мира и другие, по частям, перечисляю. Кто и когда жил в России на заработную плату. Сейчас можно только на гонорары. Есть кайф – самому заплатить, за кого-нибудь заплатить. Или уж совсем, когда и денег не надо –но это для меня не жизнь. Есть кайф – и в гособеспечении, когда сам начинаешь верить, что работаешь без платы, ради других, народа.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Средняя заработная плата в месяц составила более 150 рублей...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Да, и остается еще вопрос – на что расходуются средства...Средняя, средняя температура больных, по больнице...Да и пожелание «чтоб ты жил на одну зарплату» - тоже из советской комедии...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Бесплатные медицина, образование. Простому советскому человеку, семьянину...Ты, старый холостяк. Все, не нагулялся. Детей – нет...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Еще – не старый. Еще не поздно...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Воспитывать жена будет?... Сам не успеешь...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Вас бы только не обременить. Страшно, уж очень. Уважаю я вас Петр Павлович – до страха. А вот бесплатное образование оставляет желать лучшего – в университет не поступишь...Появилось еще одно дело: Анна Ивановна, супруга ваша, подала на развод...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Что!?! Ерунда. Блажь. Не может быть. Не будет. Не понял.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Анна Ивановна причиной развода указала разные взгляды на воспитание детей...Обратилась ко мне, как к адвокату... как к старому знакомому...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ -- ... Смех - взгляды – разные... Взгляды. Припоминаю. Интересная вещь – память. Вдруг что-то выскочит, а почему... Припоминаю, ты отказался быть моим свидетелем в ЗАГСЕ, а на свадьбу все-таки пришел. Богатая была свадьба, «пело и плясало» все руководство города, но я ... тебя заметил, ты - не гулял, в углу, и взгляд твой пристальный, волчий, видишь, запомнил...

МАРИЯ ИВАНОВНА (*подносит Петру Павловичу полстакана водки и бутерброд*) – Твой завтрак.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*выпивает*) – Бодрит.

(*Вбегает Миша*)

МИША (*с порога*) – Марья Ивановна! (*замечает Петра Павловича*)

Петр Павлович и Миша, смотрят друг на друга. Из комнаты Петра Павловича выпархивает Света, рассматривает сережки в зеркальце, подбегает к Петру, целует в щеку.

СВЕТА – Петр, ты – настоящий мужчина. Ты знаешь, что нужно женщине. И ты понимаешь, женщине нужно делать подарки, и когда.

Замечает взгляд ПЕТРА ПАВЛОВИЧА, устремленный на Мишу.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Вот, и новая домработница.

Из своей комнаты выходит ФЕДОР ИВАНОВИЧ с билетом в руках.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Вот. О деньгах с Тоней договоритесь...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (отходит к Федору Ивановичу) - Не торопитесь. (Берет билет и кладет в карманчик рубашки Федора Ивановича. Федору Ивановичу) – Я, можно сказать, студенческий друг Александра. Вы, возможно, даже помните меня. Я бывал у вас в доме...

СВЕТА – *(Петру)* Твой сын? Какой милый, совсем мальчишка и уже в военной форме. *(Мише)* Но форма тебе не идет, полноват *(подходит к Мише, поглаживает, тот резко отстраняется. Оборачивается к Петру)* – Совсем на тебя не похож.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Света, прошу. Я тебя немного провожу. У нас, так сказать, мужской разговор.

СВЕТА – О, как я хочу послушать... настоящий мужской разговор.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Света. Я позвоню. Это совсем другое, тебе неинтересно.

СВЕТА – Ну, Петр.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Как знаешь. *(Мише)*. Будем считать, мы друг друга не видели. Я в командировке. И очень надеюсь, ты сейчас же вернешься в училище.

МИША – Вы...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – У тебя могут возникнуть большие проблемы. Подумай о матери.

МИША – У вас...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Если я кого-нибудь и любил, так твою мать. Мне было очень трудно с ней. Ты еще молод, судить и осуждать меня в этом. В конце концов, ты можешь иметь свои сколь угодно фантастические или еще чего ...политические или какие...там... убеждения. Реальных у тебя нет и не будет... Но...

СВЕТА *(уходит)* – Петр, звони. Пока

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – К черту. Подожди. Машина будет.

СВЕТЛАНА останавливается в дверях.

МИША – Не понимаю. Который раз за день сказал, что ничего не понимаю. Ну, и денек. Ничего не понимаю...Однако думаю, убеждения каждого человека между собой переплетены и связаны...и определяют жизнь. Вы живете с нами, отец Веры...Здесь комната, слышал «кабинет для занятий».

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Избавь меня сейчас от этих споров... Каждый из нас еще и отдельный человек, смертный человек, страстный человек, которому необходим хоть в глубине, тайнике души глоток свежего воздуха, и каждый живет в страхе...

МИША – А в страхе чего – не натворишь... Это речь -- для меня или ... из невысказанного прокурором. Действительно, извините. Я не могу сейчас вернуться в казарму...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – В училище.

МИША – В училище. Мне необходимо кое-что понять.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Завтра я позвоню, тебе дадут увольнительную.

МИША – Я должен знать сегодня.

У Марьи Ивановны звенит пустой стакан на блюде

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Я всегда должен выручать тебя и твоих друзей из ваших дурацких... нелепейших затей!

МИША – Я никогда вас об этом не просил. Что вы имеете в виду, когда...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Не просил – пользовался... Что ты знаешь... Что ты вообще знаешь... Что ты сделал сам, самостоятельно?! Ты...

МИША – Вы... Дерево познается по плодам своим. Почему у вас кругом одни враги. Думать – тоже работа. Вот, пытаюсь...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*надвигается*) – А у тебя – нет... Ошибаешься... Государство тебя учило ... и у матери на шее... Через год ты мог бы стать специалистом, престижная профессия, карьера... приносить пользу ... Если ты никому не желаешь зла, если ты думаешь что, то... только думаешь... Как ты ошибаешься.

МИША – Пользу или зло...

Мария Ивановна спешно уводит Мишу на кухню.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Что?! Что ты сказал. Да я...

МИША – Вы сказали..

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*надвигается*) – Что?! Зауважал, на «вы».. Ну, как знаешь... Знаю, я ваше «вы». В кабинете, когда я им нужен, - лучший друг, не разлей вода, а как вышел за дверь... так...

Адвокат, Василий Васильевич и Федор Иванович нарочито оборачиваются в сторону Петра Павловича и прикрывают дверь кухни.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Мне было приятно и интересно у вас...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*останавливается, поворачивается в их сторону, и все пристально смотрят друг на друга*)

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*Петру Павловичу*) – Тебе – нехорошо?

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*очень резко*) – Да, мне – нехорошо. Да, мне – нелегко.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Гнев – бич божий. «Кроток я сердцем, иго мое бо благо и бремя мое легко есть»...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*деланно смеясь*) – Болтун.

Входит водитель персональной машины Петра Павловича, смотрит на свои ручные часы)

ВОДИТЕЛЬ – Петр Павлович. Как штык. Утром в обком собирались.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Опять халтурил.

ВОДИТЕЛЬ - Женщина – красивая. Просто подвёз.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Твои дела. Смотри, чтоб перерасхода горючего не было.

ВОДИТЕЛЬ – Обижаете. Тютелька в тютельку будет.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Поехали. Светлана, прости, забыл, в обком...не по пути.

СВЕТЛАНА – Да уж, сама (*уходят*).

ФЕДОР ИВАНОВИЧ (*Адвокату*) – Помню, помню. С юридического факультета. Вы утверждали, что Советская власть совсем – не новость...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Да, да. Ох, уж эти студенческие споры...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Да, юность прошла...Кружок распался...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Не совсем сам собой, не совсем...Александр уехал или был вынужден. Чуть позже Анна, ваша сестра, вышла замуж за Петра Павловича, что было очень неожиданно...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Кажется, вы были ...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Нет, нет. Да. Вы заметили!? Молча вздыхал. Вот сейчас, в суде проявляю изобретательность и красноречие. Александр и Анна не скрывали своих чувств и отношений. Хотя официально их и не регистрировали. Это оставляло почву для размышлений...надежду...Александр исчез, и вдруг – Петр...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Да, да, да, конечно, конечно...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Александр и сейчас не знает, что Михаил – его сын. Собственно, дело именно в том, что недавно я получил первое и единственное письмо от Александра, которое содержит некоторое поручение относительно кооперативной квартиры Александра. В вашем доме замечательная смесь: коммуналки, отдельные квартиры разного метража жилплощади, верхний этаж, надстроенный – кооперативный. Его родители не так давно умерли. Он не был на похоронах... По письму видно, что он сознательно отгораживается от новостей из нашего города. Но он знает, что Анна вышла замуж за Петра Павловича, должно быть от своих родителей, они тогда еще были живы. Из письма можно понять, что он собирается вновь и навсегда покинуть... наши края, и, кажется, получил разрешение или получил предложение покинуть....

Сейчас, возможно, он уже здесь, на несколько дней или вот-вот. И поручение касается, как я говорил, квартиры. Он хочет, так сказать, подарить ее какому-нибудь нуждающемуся молодому человеку, по своему выбору. Это создает проблемы. У нас, право, жильё, земля в собственности только на кладбище. Я уже дал объявление, так, от нечего пока делать: «Сдается квартира...». Все это его обычные причуды, можно было продать, правда, тогда требуется одобрение собрания, Совета, что всегда можно получить за деньги и решить все проблемы. Но, но ...но тут возникло еще одно обстоятельство: Анна подала на развод с Петром Павловичем, и в заявлении указала на то, что Миша -- не родной сын Петра, что одна из причин развода -- разные взгляда на воспитание детей, и она хочет, чтобы Миша носил фамилию своего отца, и указала Александра, и...возникает много вопросов. Ситуация почти драматическая и запутанная, по мне - нелепая...Если суд., есть множество «если»... Установление отцовских, сыновних прав... По-моему, просто невозможно. Надо посмотреть, подучиться...Я специализируюсь по хозяйственным делам...У Александра могут возникнуть новые проблемы, препятствующие...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Юридические законы... Я в этом плох. Собственность... наследие...Мне кажется можно полюбовно, разумно...От меня что-нибудь потребуется...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Возможно, я должен был вам все это проговорить. И надеюсь, скоро увидимся. Извините, сейчас мне уже пора. Дела.

Федор Иванович растерянно крепко пожимает «слегка» протянутую руку адвоката.

На кухне. МАРИЯ ИВАНОВНА – Мишка, где ты так перепачкался.

МИША – Скульптору одному помогал. Он хочет сделать памятник всем жертвам: прошлым, настоящим и будущим.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Мишка, много раз говорила, ты умрешь под забором... .. Памятник – мученикам или жертвам?

МИША – Уже знаю под каким, забором военного училища – погиб или ожил. Сейчас подумаю, мученикам или жертвам? Подождите, Марья Ивановна, Ксения была?

МАРИЯ ИВАНОВНА – Жертву – человек всегда творит свободно. Не всем дано, и тогда, человек – почти всегда мученик. Была, была. Дверью хлопнула, опять настезь... и убежала. О Федоре бы подумала. Хотя думает, жалеет, сострадает, может лучше бы, - не думала. Измучилась я с вами.

МИША – Почему она должна думать о Федоре Ивановиче? Они знакомы, давно?

МАРИЯ ИВАНОВНА – Любит - жалеет. А знает ли? Заботился. Книжки в детстве на ночь хорошие читал. Мягко больно. Любит - жалеет. Чуют, чувствуют. А знают ли?

МИША - Любит,.. жалеет...

МАРИЯ ИВАНОВНА – Отец ведь...

МИША – Какая Ксения?

МАРИЯ ИВАНОВНА – У нас, по-моему, одна.

МИША – Ах, да. Оксана. Я имею в виду, в гости ни к кому из вашей квартиры никто не приезжал?

МАРИЯ ИВАНОВНА – Гостей нам только не хватает. Есть, где принять, чем угостить, чем похвастаться. Хотя приличные гости – все равно хорошо. У нас давно не были. Раньше, да, порядочные, - а кричали как... Нет, не приходили. Хотя, вспомнила, к Федору из школы придут.

МИША – Из какой школы?

МАРИЯ ИВАНОВНА – У нас, по-моему, одна. Имени Надежды Крупской... Бывшая... Александра Второго. Забыла. А военное училище – бывшее имени Петра Великого. Постой-ка (*смущается*). Ладно, уж расскажу. Я еще гимназисткой была. В театральную студию ходила. Приходили и ребята из училища. Был среди один... В студии ребята молодые, но по-разному, да бойкие. Вот, режиссер тихим был, как тихо-помешанный, может от беды какой, но чувствовалась в нем внутренняя свобода и оттого, страстно милосерден был, но строг до ужаса. И вот спектакль на судьбы Самуила Выморкова и Марии Гамильтон из времени Петра 1. Это ведь Петр 1, первым, ввел крик «Слово и дело». Если, кто супротив царствующих идеологии и фамилии что услышит, обязан крикнуть «Слово и дело» и вести говорившего в тайную канцелярию. Попытаться могут решить обоих. Но, если у одного надежда на вознаграждение, то другого если не повесят, то сошлют в работный дом... Ну, ты, конечно, о них слышал.

МИША – Нет. Да вот словарь (читает) «Самуил Выморков, дьячок из Тамбова, книжник; не принял церковных новшеств, оставил жену, ушел в монастырь, там пленился мыслью о Петре как антихристе, бежал в горы. Затем ум его то прояснялся, то мешался... Был послан в одну из столиц на учебу, но и здесь, не найдя благочестия, частенько пролеживал в своей каморке. Уже после смерти Петра, Выморков, слегка успокоенный, вдруг узнает, что жена, по измененным новым уставам не смогла уйти в монастырь, и вышла замуж, чем, по тогдашним представлениям, погубила свою душу, а он, живой первый муж -- непосредственный виновник. Самуил, мучимый совестью, пишет письмо императрице Екатерине с обличениями ее покойного мужа, Петра, и был выдан властям, пытан, судим. ...Камер-фрейлина, из обедневших, красавица Мария Гамильтон, любовница Петра, потом его приближенного офицера, денщика Ивана Орлова была обвинена в убийстве незаконнорожденного младенца. Несмотря на раскаяние, не выдала любовника, и казнена. За Гамильтон просила сама императрица Екатерина, но Петр был лицемерно тверд: «Не могу нарушить закон Божий». Не исключено, Петр маялся мыслью, что убиенный младенец – его сын. Петр, присутствующий на казни, поднял голову Гамильтон, поцеловал в губы, объяснил присутствующим анатомию соединения головы и тела, и повелел голову заспиртовать и сохранять в кунсткамере. Отрубленную голову Выморкова посадили на шест на площади в его родном городе.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Вот, вот. Но здесь наш режиссер, по-моему, и сам запутался, в спектакле Выморкову в жены Гамильтон определив, связав их судьбы, а в каких исторических церковности и государственности действия спектаклей у него происходили, всегда не понятно было. Так я эту Гамильтон играла, а кавалер - Выморкова. Представляешь, я спектакль как бы не могла понять и весь запомнить. На сцену, как по команде, вытолкнут – тут и опомнюсь. Успех имела. Режиссер хвалил, а я ничего не понимала... Давно это было. Ой, как давно... И все ждали, все ждали... всё изменится...

МИША – Да, любопытно... Да, давно... бедные, богатые... давно это было...

МАРИЯ ИВАНОВНА – На ус то намотай. Хотя у тебя и усов то еще нет. *(Подходит к зеркалу, гримасничает, «взрыхляет» волосы...)* Как дети, а пора бы... Все, все – как дети *(танцует)* Только я одна у вас - взрослая.

Сцена 4.

Городская улица. ВАРВАРА СТЕПАНОВНА и ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ, родители Оксаны, ждут, нервничают. Оксана. Позже комната ФЕДОРА ИВАНОВИЧА. МАРЬЯ ИВАНОВНА МИША.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Ну, как всегда... Где ее носит? *(Появляется Оксана и бежит к родителям).*

ОКСАНА -- Заждались?!

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Наконец-то... Ну, как договорились -- сначала я, вы - через полчаса. Ксения, приведи себя в порядок

ОКСАНА -- Мама!

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Знай, я тобой горжусь - студентка. Так через полчаса, не забудьте – квартира 7. /мужу/ Да не красней, дуралей, почти друг детства... Столько лет не виделись... и когда ты поумнеешь /дочери/ Ксения! Смотри! Ну, я на разведку, а потом вы.

ОКСАНА /отцу/ -- И когда мы теперь на рыбалку?

ОТЕЦ, ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Угу. Когда ещё... *(Оксана пытается погладить по груди).* Цыц, молода еще!

/Коммунальная квартира Федора Ивановича. Марья Ивановна убирает посуду идет через коридор на кухню. Звонок в дверь. За дверью ВАРВАРА СТЕПАНОВНА/.

МАРЬЯ ИВАНОВНА -- Забыли что-нибудь. Кто?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Варвара.

МАРЬЯ ИВАНОВНА -- Вам кого?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федя, это я. Петрова.

МАРЬЯ ИВАНОВНА -- Кто, кто?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Дед Пыхто - вот кто. Да открой же ты, наконец. */ВАРВАРА СТЕПАНОВНА толкает дверь. Дверь распахивается, прижимая Марью Ивановну/.*

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Ой! Извините, Федор Иванович здесь живет? */Открывается дверь из комнаты, показывается Федор Иванович/.*

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Марья Ивановна, кто-то звонил? */Обводит всех взглядом и уходит в комнату/.*

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Я, ВАРВАРА... */нагибается, смущаясь, смотрит под ноги/ ... вот без сменной обуви... /замечает, что Федор Иванович ушел. Марье Ивановне/. Мы были знакомы... в институте два курса... потом мать заболела и, кажется, я была в него*

чточку */отворачивается к зеркалу/*. Надо было фотокарточку прислать. Столько лет переписывались, а карточку прислать не догадалась.

МАРЬЯ ИВАНОВНА -- У Федора...

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА */не дослушав, смело входит в комнату/* -- Федор!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ */вскакивая/* -- Вам кого?! Я же просил, Марья Ивановна! */наступает на ногу Варваре Степановне, которая поднимает ногу и держит обеими руками ступню/*.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Варя, Варенька... прости, не узнал, прости... Располагайся. Присаживайся.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федя!

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА *(опускаясь на стул/* -- Ух... чуть не ушла...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Как вы, как вы там?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Хорошо, работаем. Школа маленькая. День прошел, и слава богу. Без происшествий. Трудности сам все знаешь. А радости... Вот Коля областную олимпиаду выиграл, Настя в город с рисунками поедет, всех не перечтешь. Завтра – 1 сентября. Завтра на работу. Задержалась немного, да ничего... телеграмму отправила */выдыхая/*. У меня дочь в институт поступила!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Ну, а сама, сама-то как?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- ...медицинский. Мы месяц как в городе, я не заходила. Все откладывала, откладывала. Раз собралась позвонить, номер набрала, да по телефону... непривычно, что ли... так трубку и повесила... Уж, подумала, как поступит... У меня просьба к тебе. Ты куда, Федор?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Я? Сейчас... чаю приготовлю */открывается дверь, заглядывает Марья Ивановна/*.

МАРЬЯ ИВАНОВНА -- Федор Иванович, от Валентины Николаевны приходили – за свой счет никак не могут, только через РОНО - начало года.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Спасибо, Марья Ивановна. Я позже сам схожу.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Это кто, Валентина Ни...?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Завуч наш.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- А?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Марья Ивановна? - соседка.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- А-а! Мы всей семьей. С мужем приехала. На время экзаменов отпуск взяли. Измучались, да теперь – гора с плеч...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Так, так... чаю...

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Я их тебе сейчас покажу, они рядом, у подъезда. Ксению свою. Твою дочь тоже Ксенией звать?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Мне отлучиться надо, Ты зови своих, располагайтесь, я приду, я скоро приду...

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Надолго?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Навсегда. А? что, что надолго?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Уходишь?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Куда?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Ах, да, чайник... сейчас... */уходит на кухню/*.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА */громко/* -- Федя, просьба у меня... Понимаешь, для иногородних конкурс выше. Общежития на всех не хватает. Ну, я и решила, пусть пишет – «не нуждаюсь». Если поступит, то сначала к тебе... У нас еще дальняя родственница. К ним можно. Так что, если нельзя, Федя, то не стесняйся... Я думаю, может, Ксении подружками станут */берет в руки портрет Ксении Федоровны и рассматривает его. Входят сначала Марья Ивановна, затем Федор Иванович. ВАРВАРА СТЕПАНОВНА оборачивается им навстречу/*.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор, это твоя?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Что? Да. */чашки падают из его рук. ВАРВАРА СТЕПАНОВНА бросается помочь/*.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор, что с тобой? Если нельзя...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Ничего, ничего.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Это к счастью.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Да, да.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- У тебя руки дрожат.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Подожди, веник принесу (Марье Ивановне) Сам, сам. */уходит/*.

МАРЬЯ ИВАНОВНА -- Ксения наша пропала.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Как пропала?

МАРЬЯ ИВАНОВНА – Возможно, замуж вышла. У них обычно спокойно. А тут утром, слышу шум, а потом дверь – хлоп, как всегда. К себе ушел - и тихо. Мы часто чай вместе пьем. Мне, старухе, приятно. Стучусь - молчит. Я -- "Федор Иванович, чаю не хотите?" Как закричит, напугал. Сурьезный. Никогда таким не видела. Дома как сыч сидит, на звонки шарахается. А сегодня у нас банкет. Федор Иванович в лотерею выиграл. С работы придут поздравлять... Может, в милицию сообщить? */она замечает Федора в дверях – быстро уходит/*.

/Федор Иванович убирает веником осколки с пола – Счастье. Варвара Степановна начинает ему помогать. Через некоторое время оба опускаются на колени/.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Что это я все о себе да о себе... Может, мы не вовремя? Федор! Что с тобой?

ФЕДО ИВАНОВИЧ -- Ничего, это я так...

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федя! Ну, не совсем же ушла? Вернется. Я сейчас в милицию позвоню – ее найдут.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Не надо, не надо.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор, ты куда?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Я сейчас. Я сейчас вернусь.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Что произошло, Федор?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Ничего, ничего, ничего особенного.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Где она? Ты знаешь, где она может быть?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- С мужем, наверное. Понимаешь, он считает... но, а я... но она... как она могла... и, значит, я... раскричался, старый дурак. Телефон оставила, а я даже фамилию его точно не помню...

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Молодые... сами решают. Должно быть, самостоятельный парень.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Да разве я против. Разве в этом дело?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Ну, как же так вдруг. Ты ничего не замечал?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Я чувствовал -- что-то происходит. Раньше она много рассказывала об институте, товарищах. Стала возвращаться позже бледная, уставшая, взгляд утомленный. Я по-прежнему ждал ее, мы по-прежнему чай пили по вечерам, но стоило мне только попытаться, только заглянуть. Тут же глаза опускала – «Ты же знаешь, как много занятий. Спокойной ночи!» И однажды поправляя кровать, я увидел под подушкой одну книгу. Одну книгу... Несколько дней я не спал до утра, и каждый раз решал заговорить с ней... Тебе, тебе никогда не было страшно, когдаходишь в класс утром; они все нарядные, смотрят, будто ждут от тебя...

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Что ты, чего ты боишься? Федя, да какие нарядные! Мать с вечера приготовит, утром пораньше еще раз переглядит, а уж когда одевать станет, тысячу раз поправит... а ведь он все это время на ее руки смотрит, мозолистые... как они трепещут, словно Баха играют. Впрочем, про Баха это к слову, извини.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Тогда сын Петра от первого брака, Сергей к нам в гости ходил. Они, кажется, дружили... Сергей – хороший, способный парень... Я ведь и не спрашивал, может быть, потому что боялся. И понимаю, это дурно с моей стороны, но я не хотел... я боялся

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- А я вот рада, если кому из детей помогу занятие найти. Что смотришь потом -- лицо сосредоточенное и спокойное, только изредка глазки сверкают. Потом обязательно показать принесет. Если похвалишь, домой заберет, родителям покажет. С родителями тяжелее, намаялась.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Ты помнишь Петра, с юридического? Когда на общем собрании старое дело моего отца разбирали, после собрания в коридоре он мне сказал – «Ты должен понять, сейчас так нужно"... Я бросил свои занятия, приехал в этот городок, через пару лет приехал Петр, главным прокурором. Что-то я не о том, не о том... я ведь ждал, ждал, когда она приведет своего юношу в наш дом, я готовился к этой встрече... почему, почему все так?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор, она вернется, обязательно вернется, хоть перед самой

свадьбой, но вернется...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Нет, уже не придет. Теперь уж не придет /Федор Иванович осматривает свой выходной костюм/.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор, у тебя есть телефон! Ты сейчас позвонишь! Да, да. Позвонишь. Я сама позвоню!! Где у тебя телефон?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Не надо, Варя.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федя!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Варя.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор... я вдруг вспомнила... помнишь, когда моя мать заболела. Я домой уезжала, институт оставила. Ты меня провожал. Мы еще чуть-чуть не опоздали... поезд качнулся, а я все жду, глупая, надеюсь что ли... а когда к первой станции подъезжали, так к окну выбежала, смотрю на перрон... ветер в лицо, асфальт после дождя блестит, а тебя нет. Потом поля, сумерки, леса бегут, потом станции, огни, огни, станции. Проводница чай принесла, с ней и поплакали... Федор, это пройдет, это ничего... А ты, ты тогда о чем думал? Ты помнишь, Федор? Нет, ничего между нами "такого" не было. Мои фантазии, но... когда от тебя жена ушла я даже обрадовалась...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Варя, ты меня не совсем поняла. Мы живем вместе, но не как муж и жена, какой уж год... так сложилось. Тогда..... тогда... я?.. Я отца вспомнил, все понять что-то хотел... У многих радость... Марья Ивановна тогда еще не старая женщина, несколько лет из дома не выходила. Я ей продукты носил, а тогда поздравлять поднялась – к ней муж вернулся, больной, но вернулся – «Ну, Феденька, теперь новая, новая жизнь», а сама слезы глотает. Она и теперь часто у нас. Муж через два года умер. Все те два года вспоминает... Мне по-настоящему страшно один раз было, никогда один остался, а когда бумага о реабилитации пришла. Я ведь и без этого знал. Так ничего и не понял... Ты-то как? Муж?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Как... всего не расскажешь... Разное было... Замуж выходила, вроде и не любила ...очень. Он за мной долго ухаживал, а теперь, теперь я, наверное, счастливая. Свои радости, горести, нелегко... Как могу... Кажется, все, что могу... Вот и дочь в институт поступила... зима скоро... Прости, Федор.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Что ты? О чем? О чем ты?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор! Федор, пойдем!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Куда?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- К ним. Телефон есть. Адрес узнаем, все уладится, все уладится.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Да, да. Зима скоро.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Поедем, поедем к нам... здесь и неприятности могут быть. Ты – учитель. У нас коллектив замечательный. Тетя Паша – уборщица. Если бы ты только ее видел /поднимает голову – в дверях ее муж и дочь Ксения/. Сеня!

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Познакомьтесь, мой муж!

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ – Евгений Маркович..

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Федор.

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Очень рад с вами познакомиться.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Очень приятно.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- У Федора Ивановича несчастье – дочь замуж вышла.

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Дверь у вас открыта... Дождь пошел.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Конечно, конечно

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Мы, пожалуй, в другой раз (*берет Варварю под руку*).

ОКСАНА -- Темно. Ливень. Где бы свет зажечь?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Нет-нет, что же мы стоим? Садитесь. Я чаю сейчас */зажигает свет/*.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Да, наверное, нам лучше в другой раз.

ОКСАНА -- А я чаю хочу. Холодно.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Вот и хорошо. Варвара Степановна! Несчастье? Дочь замуж вышла, а ты – несчастье... Нет-нет, я вас так не отпущу. И Ксения ваша – именинница (*рассаживает всех вокруг стола. Уходя на кухню*). У меня и конфеты шоколадные – французские! «Уставший раб уже почти без дела...»

ОКСАНА -- Я вам помогу. */Уходит за Федором. ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ достает из портфеля бутылку, свертки, раскладывает на столе/*.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Может не надо.

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Я в конце концов тоже замерз. Ты же сама...

(Входит ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ)

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА – А вы кто?

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ – Новый учитель гражданской обороны. ГРОБ. Стало быть, я – первый гость.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА (*походит к нему, вначале шепчет на ухо, а затем громко*) – Думаю, вы здесь -- единственный мужчина. По выправке вижу. Идите. Узнайте все толком. *(ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ уходит)*.

/возвращаются Федор Иванович и Оксана/.

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Кое-что с собой захватили.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Ну, праздник, как студенты. У кого - что. И рыба красная! Рыба – символ христианства, а красный цвет – страсти и стыда...

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор, тебе в подарок везли. Петя у меня рыбак.

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Особым способом приготовленная. Варвара – мастерица.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Запрещают будто...

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Много нельзя... много и не поймашь. На крючок табличку не повесишь. А отпускать - погибнет. Как бумажную фабрику на тростнике построили - мало стало. Тростника давно нет. Теперь с Урала древесину возят... Ребятам хорошо – подрабатывать ездят. Ну да теперь... Окружающая среда, экологическая система... Наука взялась... раньше таких слов не знали...

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Женья!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Давайте */поднимает бокал/*. За Вас, за Ксению, за ее поступление!

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Да, учись, Ксения... теперь без образования... Еще бы порядку, раньше порядок строгий был. Закон. */показывает на сердце/*.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Женья!

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Да, да. Учись, дочка, хорошо. */выпивает/*. А я без рыбалки не могу. На рыбалке, на заре, у меня всегда сердце радостно пробуждается, как птица в лесу,

словно опять меня к жертвенности призывают. А в городе – не могу. Бывает, и на рыбалке, ближе к полудню, уставший, засмотришься в темную реку, играющую бликами солнца и клонит ко сну, в воду. От голода подташнивает. Но в мутной воде и наживка не нужна. Да и редкая птица, не моего ума полета, залетит сюда, поднимется над этими серыми зданиями. Но, да они раньше важные, теперь сложные проблемы решают. Помни, Сеня, как на нашей речке восходы встречали! Ждали подолгу.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Женья!

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Ну, что Женья, Женья... другие времена, вот у нас в колхозе...

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Не надо, Женья!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Почему?! Рассказывайте, Евгений Маркович, это же интересно.

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Да нет, пожалуй, пойду на крылечко, покурю!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Курите здесь!

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- В избе не курю, нет... я на крыльце привык.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Женья, ты чего?.. Ну откуда здесь крыльцо?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Я на кухне курю.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА – Федор. К тебе гости собираются, а нам с Петром еще по магазинам надо. Из города много чего надо привезти. У нас в деревне прилавки пустые. Продуктов нет. Водка, а хлеб завозят. Импортные мужские ботиночки за сто рублей – второй год лежат.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Женья!

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Пойду на кухню, покурю! Захмелел.

/Входит Марья Ивановна/.

МАРЬЯ ИВАНОВНА – Федор Иванович! */Звонит телефон. Федор быстро берет трубку/.*

ФЕДОР ИВАНОВИЧ */в трубку/* -- ...Ты уезжаешь?! Куда? Напишешь, как приедешь... Я вас провожу, я на вокзал приеду. Одна?! Как одна? Ксения, это я, я перед тобой виноват. В чем? Ксения, подожди. Как через три минуты? Я тоже крепко-крепко целую... да... да... вернешься */гудки/*. */Федор опускается на стул/.*

МАРЬЯ ИВАНОВНА -- Ксения возвращается. Вот и хорошо. Я ведь на минуточку. Попрошайка пришла. Покидаю я вас. Завтра утречком и перееду. Вчера ездила. Все осмотрела -- комната хорошая, светлая, соседей – не много, доктора. Кровать попросила переставить... привыкла к окну поближе... так нельзя, оказывается, кнопка в стенке рядом с кроватью, если нажать, так сразу врач придет. Дом какой-то особенный. Старичок один, мы там познакомились, так он год добивался. Говорит – живем, как при коммунизме, на всем готовом. Он меня провожал – «Только не передумайте! Вместе гулять будем...» Руку поцеловал. Ох, что это я! Пойду, мне еще вещи укладывать. Прощайте, Федор Иванович... может еще увидимся */уходит/*. Да, увидимся. Гости придут, помогу.

/Федор берет за сердце/.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Федор, что? Что с тобой? Ложись, Федор.

ФЕДОР -- Да. Я, пожалуй, прилягу.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Может, скорую? */Укладывает Федора на диван/. Женья, помоги!*

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Нет, просто устал.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Ох, измучилась. И из гостиницы выписались, и его оставлять нельзя. Женья, ты что думаешь?

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Не знаю. Покой человеку надо дать.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Давайте здесь пока отдохнем, устроимся. Утро вечера мудренее, или как там. Впрочем, еще не вечер. Женья, ты чего молчишь?

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Я, я ничего. Только ведь и покой. Он разный бывает. Хорошо бы его на покос к нам. Или на рыбалку.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Ну, опять рыбалка...

ОКСАНА -- */отцу/* На картошку... Я уберусь пока, посуду вымою.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Ну как знаешь, полуночица. Впрочем, еще не вечер. А темно. */Гасят свет. Горит лампа у дивана Федора. Варвара Степановна и ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ устраиваются в креслах/.*

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Город... скорей бы домой.

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Да... завтра поезд.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- А Ксения как же?

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Позже. Позже все решим.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Город. Уже устала *(задремали)*

/ Входит Миша. Оксана моет посуду на кухне. Федор вскакивает, бросается к Ксении, обнимает ее колени. Миша, устраивается на диване Федора Ивановича, слышит/.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Ксения! Ксения!.. милая моя, я знал...

ОКСАНА -- Федор Иванович...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Знал, что ты придешь.

ОКСАНА -- Федор Иванович...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Милая моя...

ОКСАНА -- Федор Иванович... я не ваша Ксения!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Маленькая моя...

ОКСАНА -- Я... я -- дочь Варвары Степановны...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Простите, Ксения, мне показалось... */Федор отходит к окну/*...Как-то давно, зимой, ей еще лет пять было... зима, знаете, утром вскочишь, свет зажжешь, постоишь, постоишь и обратно в постель. Холодно. Тогда еще отопление, кажется, отключили, ремонт, что ли, был... лежишь, смотришь, свет с потолка желтый, болезненный, в окнах темно... вставать? и знаешь, что надо и не хочется... и уже пора, а все тянешь, тянешь... и уже времени не осталось, а все тянешь, и тут... да ей пять лет было, я и не заметил, как подошла, как в сказке, ручка теплая -- «Пап, папа, вставай», словно ток по всему телу пробежал. Я ее тогда в детский сад перед работой отводил. Еще за завтраком, у плиты суечусь... нет-нет, да на нее обернусь. Все время ее взгляд, не по-детски глубокий, встревоженный и вместе с тем восторженный, что ли чувствую... Мы рано выходили, на работу успеть надо... Идем. Фонари. Свет в окнах кое-где горит. Темно. А вот чувствуется, что утро, то ли снег еще свежий, пахучий, и от него светло, то ли

воздух... знаете, когда в лес в сумеркахходишь, он на тебя теплом пахнет... Она, она чуть впереди... рука теплая... поспеваю... вдруг сад за углом, как замок вырос. Особняк старый, этажи высокие, свет во всех окнах, а на первом этаже детские головки мелькают. Она у ворот остановилась, решетка вокруг высокая, чугунная..., и тут – «Иди! Дальше я сама! Иди-иди». Почему, почему она кричала. Почему, почему она кричала о своей любви.
(Федор, по-прежнему, стоит, глядя в окно).

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Почему, почему она кричала? / испуганно оборачивается/ А? ...а дальше что?

ОКСАНА -- Вы повернулись и пошли.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Да, да... Нет, сначала пробежал несколько шагов, как мальчишка. Снег с ветвей рукой сбил сухой, искристый, на ладони тает, а на тротуаре еще свежий, тонкий... и следы, следы. Переулок тихий, чуть в гору, небо темное, а где кончается – фонарь горит, и снежинки вокруг кружатся, а за ним темно и метель. Иду и все время взгляд ее чувствую, и от него как-то тревожно и хорошо. Будто это вся-вся моя дорога... и хочется оглянуться, взглядеться пристально, на всю жизнь запомнить, а страшно – исчезнет... Перед весной она заболела тяжело.

ОКСАНА -- А люди? Люди?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Что люди... да и люди... со спины, немного ссутулившиеся, поживают, первая смена должно быть, воротники у всех подняты – домашнее тепло берегут.

ОКСАНА -- А лица?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Так вперед же все...

ОКСАНА -- Если бы оглянулись, на нее оглянулись, вы бы их лица увидели.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Да, увидел бы.

ОКСАНА -- Федор, я, если я когда-нибудь встречу... ну, его... можно, мы к вам придем? Нет, вы не подумайте, это мне раньше жалко было, а чаще тяжело очень или страшно смешно. В больнице после школы работала. Теперь, теперь... это – другое. Вот вы и сейчас обернуться боитесь.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Не боюсь, кажется, не боюсь. Мне теперь в обратный путь по тому переулку, ее увижу ли? Пойду... лицо, лицо забыть не могу, тогда... и другое.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Женя, проснись!

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Что?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Да проснись же ты, наконец!

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Ну, что?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- На кухне. Ксения там и Федор.

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Ну и что?

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Женя!

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- */встает, спросоня, и, немного не доходя до кухни/* -- Федор Иванович, давайте спать, поздно уже... завтра рано вставать. Вам – на работу. Федор Иванович! */отворачивается и идет обратно/*.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Женя, ты же мужчина, ты должен...

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ -- Ничего я именно сейчас не должен. Тихо.

/Оксана пытается открыть дверь, но не может -- Варвара Степановна толкает дверь на кухню в противоположную сторону/.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Я что-то совсем уже ничего не понимаю. Это становится невыносимо. Он что? Он чего, собственно, делать должен? Федя, тебе сколько лет...

ОКСАНА (*дверь наконец открывается*) -- Мама, что-то случилось? Проходи.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА -- Нет уж, я там посижу. /*Уходит вглубь, садится на стул.*

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ /*кладет руку ей на плечо*/ -- Варя, успокойся!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ (*на кухне*) -- ...когда, когда прилег, голова закружилась, кругом люди - вверху. внизу, слева, справа... второй этаж – невысоко, а как будто кровать от земли оторвалась и несется... кругом мрак, неизвестность... и словно стен нет, того и гляди скатишься

ОКСАНА -- Дождь, деревья шумят.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- ...летом, когда жара долго держится, под вечер ветер утихнет, листья вдруг замерли, и не шелохнутся... и так всю ночь, до утра... и только, когда светать начнет, ветерок пройдет, вздрогнут, и опять на целый день, до вечера...

ОКСАНА -- А я люблю, как сейчас... осень, дождь, словно слезы везде разбросаны.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- ... когда-то... и я ...надеялся

ОКСАНА – Я бы хотела, как красная рыба, что, возвращается из океана, пробираясь по мелководью, подставляя спины браконьерам, в верховья к родному нерестилищу, и там погибает, обессилив. Отдав силы потомству. Спички здесь.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ /*прикуривает*/ -- Интересно, который час?

ОКСАНА --

ФЕДОР -- Да, теперь рано темнеет и поздно светает... (*Тишина прерывается сигналом точного времени по радио, музыка Федор оседает на стул. Миша уходит*)

Сцена 5.

«Трамвай» и «тротуар». В трамвай по ходу движения люди входят и выходят. В трамвае полумрак, «вспышки» встречных фонарей «освещают диалоги». В трамвае Миша, его сестренка ВЕРА и Оксана. МУЖЧИНА в телогрейке (пожилой, хмельной, в довольно потрепанной телогрейке) Позже в трамвае ДРУЗЬЯ МИШИ, АННА ИВАНОВНА, СВЕТА, АЛЕКСАНДР, инвалид, цыганка...

Голос – Мишка! Сестру после мертвого часа верни.

МУЖЧИНА в телогрейке (*прощаясь с Мишей и Ксенией2*) – Может и не хорошо, то что я вам здесь рассказывал и то, что рассказывал, но только не жалею я ни о чем, себя не жалею... и потому, хорошему научить может, только, боюсь, не каждого... Люблю в дороге выпить... Еду, еду, еду к миленькой своей...

Сестренка ВЕРА – Миша! Конечная! Можно я сама возьму (новые билеты)?

МИША – А монетки у тебя еще есть?

Сестренка ВЕРА – Есть.

МИША – Сколько же у нас уже билетов? Постой, давай-ка на следующем. Ты, наверное, хочешь погулять здесь у леса.

Выходят. Тротуар

Сестренка ВЕРА – Отчего осень такая: то словно зима в оттепель, все тает, земля черная, влажная, ветер теплый, ветки (*поправляет челку*), а то вдруг -- холодно, и земля голая, колючая; смотреть больно, зябко... Лес сырой, шумит как...

МИША – Помнишь, тетя по радио рассказывала -- тайфуны. Если в верхних слоях атмосферы... Смотри, небо потемнело, скоро снег падет, а к рождеству станут ясные морозные дни. После детсада буду тебя на санках катать.

Сестренка ВЕРА – А, что такое тайфуны?

МИША – Вот мы домой вернемся и прочтем.

Сестренка ВЕРА – А мама где?

МИША – На работе еще.

Сестренка ВЕРА – Отчего ты гуляешь, мама расстроится. (*Оксана начинает играть помпоном на шапочке девочки. Сестренка ВЕРА сердится*)

МИША – Да, у нас же каникулы. Слушай, я тебя опять к детсаду отведу. Мама заберет. Маме скажи, забегу или позвоню, в крайнем случае.

Сестренка ВЕРА – Каникулы кончились. Мишка, ты – солдат?

МИША – У нас в драмкружке репетиция... Солдат свободы.

Сестренка ВЕРА – Мишка! Я любила, ... я люблю с тобой на трамвае кататься (*бежит*).

МИША – Куда! Куда же ты! (*Пытается догнать, делает несколько шагов, останавливается. Вера возвращается*)

ВЕРА – Миш, я правда, что в Америке свобода умерла?

МИША – Откуда такие глупости?

ВЕРА – Ну, про Америку много говорят. У них памятник свободе стоит. А Ильюшка сказал, он знает: если кто-то умирает – ставят памятник ...

МИША – Вообще-то, им Франция подарила. Памятник также ставят в честь кого-нибудь; чего-нибудь, не только в память... Нам к детсаду.

Трамвай. Анна Ивановна, Светлана. Женщины -- дочь и мать. В глубине трамвая стоит АЛЕКСАНДР, резко сдвинул на глаза шляпу, отец Миши.

МАТЬ – Но, если ты так хочешь?!

ДОЧЬ (*лет двадцати пяти*) - Мама, тише!

МАТЬ - Да неслышно здесь ничего, шум такой. Слушай, что это у нас с тобой все наоборот стало! Что ты мне рот ладошкой закрываешь.

СВЕТЛАНА (*АННЕ*) -- Что с тобой происходит. Видок - у тебя.

АННА ИВАНОВНА (*мать Миши*) – Миша, в самоволке. Из училища звонили...

СВЕТЛАНА - Петр Павлович – интересный, видный мужик, всему глава. Твоего мужа разве что на стенку, портретом... Не беспокойся. Петр все устроит...

АННА – О чем я тогда думала!? Ни о чем я тогда думать не могла. В роддоме такое напутали... Александр уехал как бы на время, но ясно было... Потом – Мишка, я так рада была, так счастлива. И вот Петр. И тетя спокойней, тише стала. Мишке сказали отец, и он Петра ребенком любил. Но в старших классах все понял, замкнулся. Петр – ясно, просто, уверенный, когда на коне, как в танке сидит... да нет, все время мины боится... Послушай, съезди одна в отдел, распишись за меня, там ведь ненадолго. Мне еще в детсад за Верой, дочерью. С Петром мы расстались.

СВЕТА – Ты уже много раз собиралась.

АННА ИВАНОВНА – Вера - его дочь... и тетя... Решилась. Подала заявление.

СВЕТЛАНА -- Мне что-то неловко. Лучше приходи к нам вечером. Компания веселая, ребята симпатичные. *(Поет)*. «Когда я вернусь. Ты не смейся, когда я вернусь... засвистят в феврале соловьи...». Только в мужья не годятся, да и не зовут. А мне пора, за тридцать...

АННА ИВАНОВНА - Нет, спасибо. Измучилась, что ли... Последнее время я ловлю себя на ужасном желании – расхохотаться. Да, может, и Мишка забежит.

СВЕТЛАНА – Зачем ты с Петром Павловичем так. Ну и что, что не любишь?

АННА ИВАНОВНА – Виновата я перед ним. Так ведь и от супруга зависит. Не смогла. По ночам уже чистое белье перестирываю... Когда-то из учителей литературы – в библиотекари ушла.

мимо них пробирается Мальчишка, останавливается и смотрит в глаза Анны

СВЕТЛАНА -- Погляди, как смотрит. Слушай, если тебя в баньке попарить, да, ты... еще ничего.

АННА ИВАНОВНА – Кто? Мальчишка? Кажется, я его знаю...

МАЛЬЧИШКА – Анна Ивановна, вам помочь? Вы – в нашей школьной библиотеке мне книжки ...

СВЕТЛАНА – Да... И вон тот, сейчас шляпой лицо прикрыл. Ты его знаешь?... Слушай, на твоего Мишку похож... Ты Александра вспоминаешь?

АННА ИВАНОВНА – ...Мишку я все-таки подставила...

СВЕТЛАНА – А моя первая любовь в открытом океане. Была я замужем целый месяц, в Ялте. Красиво. И ушел мой моряк в плавание, кругосветное. Контрабандой занимался: может поймали, может отстал, где... Знаешь, я предчувствовала, что не вернется... И знаешь, благодарна ему за это. Смотри-ка, там – наш «ювелирный», «продуктовый» и другие магазины. Куда-то собрались, почему на трамвае?! Знаешь, я им завидую – семьи, детей обеспечивают, репетиторы, школы специальные, и все ухоженные, врачи частные...

АННА ИВАНОВНА -- Господи, да ты спрости у них - вчерашний день не помнят, все дни на одно лицо. Когда с Петром жила, чуть ли не сочувствовала... Ведь всем тяжело...

МАЛЬЧИШКА (*читает на двери*) - «Вы-хо-да нет». Нет выхода.

По вагону пробирается инвалид - Ко мне никто не прижимается тепло; не поцелует, стоя у порога. Все оттого, что вся моя дорога от станции до станции, в депо. И не склонится мило на плечо, не поцелует, стоя у подъезда. Все оттого, что вся моя надежда на то, что это все забудется легко.

АННА ИВАНОВНА (*открывает кошелёк, достает рубль, колеблется*) – Возьмите.

СВЕТЛАНА – Рубль –не много будет, Петра уже не будет.

ТОР МИХАЙЛОВИЧ (*«из ювелирного»*) – Здравствуйте, Анна Ивановна. Передайте Петру Павловичу, мол, все подготовились, все приготовили. Не слышали, в Москве Петрова сняли. Здесь о нем уж такое говорят...Не говорил, не слышали?

АННА – Здравствуйте. Не слышала.

ТОР МИХАЙЛОВИЧ – Костюм на вас – замечательно. Умеют в Париже (*отходит*)

СВЕТА – И чего ты с Петром...

АННА (*Свете*) – Не удержалась -- костюм взяла. Сам Тор Михайлович принес. Спросила, хотела заплатить, а он заулыбался, говорит: «Петр уже оплатил».

СВЕТА – Тебе действительно идет... и идет твоя неосведомленность. Ты знаешь, сколько этот скромный, но изящный стоит...из города Парижа...

АННА ИВАНОВНА - Настоящее чувство - мудрое...мудрое чувство... Я здесь выйду, пешком пройду, мне тяжело стало...(*выходит*) Хочется – просто, ясно, но в жизни не бывает...

СВЕТА – А любовь с первого взгляда...

АННА ИВАНОВНА – Прекрасно – но это только начало, без которого и не получится, не случится. Должен быть такой взгляд, пусть не первый, позже. Первое чувство – всегда трагично. Возможно и обманчиво...Как-то у нас слова, понятия, все перепутано. Жалость, сострадание и любовь к совершенству...Да в жизни и не бывает все ясно, определенно...

СВЕТА – Это- то мне и нравится...

АННА ИВАНОВНА - Настоящее чувство - мудрое...мудрое чувство... Я здесь выйду, пешком пройду, мне тяжело стало...(*выходит*)

Трамвай трогается. Александр успеваает пробраться к выходу, сдерживает двери, протискивается, удаётся выскочить, уронив шляпу. Анна удаляется

Тротуар. На тротуаре МИША и Оксана.

АЛЕКСАНДР (*смотрит вслед*) – Должно быть ...показалось. Столько лет прошло.

МИША - Я думаю, должны быть какие-то слова и чувства. Как символ веры... Впрочем,

слова давно есть...и чувства. Все есть. Вот мои мысли и чувства всю жизнь играют между собой в прятки...

ОКСАНА – Всю... На выставке картину видела, автопортрет девочки шести лет, подпись: «Мой портрет в молодости». Смотри, как луна... в изломах рельсов. У меня что-то в последнее время все грустные мысли.

МИША (*замечает Александра, потянулся за лежащей шляпой*) - Вам помочь?

АЛЕКСАНДР (*резко отстраняясь*) - Нет, нет... спасибо.

МИША - Вы пальто запачкали...

АЛЕКСАНДР - Ничего, ничего... спасибо. Простите, где здесь улица... Коммунистическая...

МИША – Ура. Это мы знаем. Спросит еще что-нибудь... Нам по дороге.

АЛЕКСАНДР -- Нет, не надо. Сам найду. Значит, ничего не изменилось. Ничего здесь не изменилось. Как я эти годы был далек от всего этого... Где то я тебя видел...

МИША – И мне, показалось... Хотя у нас в городе...

(Миша, цыганка, Оксана проходит вперед)

ЦЫГАНКА - Позолоти ручку (*Миша кладет деньги*)... и чем сердце успокоится, еще позолоти (*Миша кладет деньги*)... ..Была у тебя девушка, но любил ты ее тайно, еще позолоти...

МИША – Достаточно. Больше нет. Забавно, мы с вами каждый год встречаемся, и то же самое говорите. Ладно уж, себе – оставьте. (*бежит догонять Оксану*)

ЦЫГАНКА - Стой, стой... пять шагов сделаешь, любви знать не будешь...

Сцена 6.

Квартира Анны Ивановны, входят Анна с дочерью Верой. В комнате сидит у телевизора пожилая женщина Софья Львовна, тетя Анны Ивановны и Федора Ивановича.

АННА ИВАНОВНА (*Софье Львовне*) – Добрый вечер (*пауза*).

АННА ИВАНОВНА (*Софье Львовне*) – Миша не приходил (*пауза*).

БЕРА – Он в детсад приходил. Он – солдат свободы. У них репетиция... У них спектакль будет...

Анна помогает дочери раздеться

БЕРА – Миша вместе с Ксенией был.

АННА ИВАНОВНА – Вот и хорошо.

ВЕРА – С другой Ксенией. Мне не понравилась. Капризная. Я со своим женихом никогда ссориться не буду. Мы будем вместе играть и книги читать, и в парке гулять, и детей воспитывать. Хотя мальчишки – все задаваки. Вчера Илья на спор с Таней снял трусы во время мертвого часа. Нина Николаевна заметила, схватила его за руку и выставила перед всеми голым... А мне смешно не было. А Нина Николаевна потащила и Таню, а Таня укусила её за руку. Нина Николаевна другой рукой как замахнется, а Таня убежала во двор. И ее не нашли.

АННА ИВАНОВНА – Как – не нашли?!

ВЕРА – Долго искали. Нина Николаевна даже плакала и почему-то Илью обнимала и прощения просила. А потом директор кричал, волновался, а Нина Николаевна с ним громко ссорилась, и снова расплакалась.

АННА ИВАНОВНА – А потом.

ВЕРА – А потом нашли, и мы стали играть в прятки. А Илью из сада на три дня исключили. А он сегодня днем чрез забор пришел играть. А мне сказал, что болеет. Илья – смешной...

ВЕРА – Мам. А почему наш детсад – садом назвали?

АННА ИВАНОВНА – Вы – наши мука и надежда, цветы в нашем саду и плоды (*переобувает*) наши – боги...

ВЕРА – Мам. Мам. Ведь я на прошлой неделе в саду не была, болела.

АННА ИВАНОВНА – Да. С этим что-то надо делать, надо что-то придумать... и дома, с тетей тебя нельзя оставить... Пол у вас в саду холодный, и сквозняки, и кто-нибудь обязательно простужен: с насморком дома не оставишь – бюллетень не дадут.

ВЕРА – Я слышала, директор говорил: наш папа обещал коврики привезти... А ребята новый стих учили.

АННА ИВАНОВНА – Выучим.

ВЕРА – Они уже выучили. Сегодня Нина Николаевна спросила, кто хочет рассказать. Все так хорошо выступали. И я стала руку тянуть. Нина Николаевна меня спросила: «А ты разве знаешь?» Я говорю: знаю. А встала и молчу. Я ведь не учила, не знаю, болела.

АННА ИВАНОВНА – А зачем руку тянула?

ВЕРА – Тоже не знаю. Нина Николаевна сказала, чтобы к завтраму выучить.

АННА ИВАНОВНА – Горе, ты мое. А теперь дуй в ванну. И приходи ужинать.

ВЕРА – Я не хочу есть. А стишок – к завтраму. У меня на листочке есть...

АННА ИВАНОВНА – Софья Львовна. Вы ужинать будете (*пауза*)

АННА ИВАНОВНА – Я лекарства принесла... От Петра принесли...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА (*у телевизора*) – Положи. Что это Петра Павловича самого второй день нет?

АННА ИВАНОВНА - Он должен прийти. Наверное, завтра.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Что значит прийти? Вечно ты от меня что-то скрываешь. Я всегда, всегда говорю правду, только правду.

АННА ИВАНОВНА - Мы решили расстаться.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Это из-за Мишки. Молоко на губах не обсохло, а туда же...

АННА ИВАНОВНА –

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Нет?! Негодяй, подлец. Но это ему так даром не пройдет. И до сих пор квартиры не разменял. У нас значит - отдыхал, а своя коммуналка, что после первого брака осталась, - кабинет для работы... Легко мог обмен устроить: сейчас квартиры с новой планировкой, туалет – отдельно, и не с кухней рядом. Теперь-то я все понимаю. На работу сообщу. При его работе по головке не погладят.

АННА ИВАНОВНА - Я сама решила.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Так я и... знала! Дура, дура. Как, на что ты жить будешь...

АННА ИВАНОВНА – Тетя.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - И обо мне могла бы хоть раз в жизни подумать. Дура, надо понимать, когда и что можно говорить и делать. Петр -- не тот дурачок, бегать не станет. Настоящий мужчина, себе цену знает и в жизни кое-то понимает. Иначе откуда деньги, в суде работает. Прокурор.

Вера дует в ванну

АННА ИВАНОВНА - Умоляю. Не говорите, чего... не знаете...

АННА ИВАНОВНА (*Вере*) – Ты что делаешь?

ВЕРА – Дую в ванну.

АННА ИВАНОВНА – Ох, ты – моя малышка-глупышка. Я сказала: руки мой.

ВЕРА – Сказала: дуй в ванну.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Да как ты можешь, как смеешь - одна решать. Он – отец Веры.

АННА ИВАНОВНА - ...Может и лучше без отца, чем так...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА – Вон, где твоя безотцовщина, Мишка, шляется. Неблагодарная... Александра забыть не можешь.

АННА - Я вас не понимаю и ни в чем не виню...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Да, я заслужила, заслужила.

АННА ИВАНОВНА - Я всегда работала. Нам всегда хватало, о чем вы собственно.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Я заслужила, и отдохнуть могу. Я тебя одна воспитывала, на пятидневке. Что значит -- хватало,.. на что? -- хватало. Ты не знаешь, как можно жить. Это

надо пощупать. Это все от твоих родителей, видно правильно их тогда. Враги.

АННА ИВАНОВНА - Тише, Вера...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Если бы свои были... да разве я бы тебя из детдома взяла, да пропади. Ох, я несчастная. У меня ребенка несчастье отняло.

АННА ИВАНОВНА - Так ведь не было. *(пауза)* Что, что... я говорю... Простите. Простите.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - А зачем ...Жди! Дождешься ты своего Мишу. Из милиции приходили, в самоволке он. Я тебя тогда спасала, тебя...И куда ты иногда по вечерам ходишь? А?

АННА ИВАНОВНА - .. постоять, послушать... У него...у него благодарное сердце.

АННА укладывает дочь, подходит к окну, поет

АННА - Из-за леса, из-за леса Ветер тянет облака. Как же быть мне без тебя. Белым-белы облака, Синим-сини небеса, Берега реки круты. Выйду в поле, Стынь да вьюга. Алой лентою закат Зацепился за ковыль, Что во полюшке стоит, Одишешенек дрожит...Да поземка вдаль бежит....Снег выпал...

Сцена 7.

Коммунальная квартира, комната Федора Ивановича и кухня, холл. Гости: учителя и сотрудники школы, Оксана, Петр Павлович, журналист Сережа; Светлана. Позже - Антонина (Тоня – жена Федора Ивановича). Под столом холле малыш Петя играет в машинки...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ *(посмотрев на часы)* - Не хотел, но положение обязывает. *(журналист хлопает - Просим)* Не надо, не надо. Я этого не люблю. Да, забыл представить -- наш новый перспективный сотрудник городской газеты, талантливый журналист, Серёжа. Садитесь.

Гость – Так сидим, Петр Павлович.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Вот мы собрались накануне нового учебного года у Федора Ивановича. Прежде всего, хочу отметить несомненные достижения нашего отдела народного образования. Партийный городской комитет уделяет этому пристальное внимание. *(Федор Иванович засыпает, встряхивается, оглядывает стол и, словно что-то забыл, проходит на кухню)*. Всеобщая грамотность была одной из задач советской власти. *(про себя)* Перестарались. Грамотных уж стало больно много *(продолжает.)* В эпоху научно-технической революции, усиления борьбы двух систем образование имеет для нас огромное значение. Все мы помним слова «Учиться, учиться и учиться...». *(Журналисту)* Слово «коммунизм» ты упустил.

ИЗ ГОСТЕЙ *(старичок, учитель истории, хихикая)* – Это не так, не правда, не грамотно. Точно в статье «Попытное направление в русской социал-демократии» в 1899 году: «В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растёт страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые— несмотря на безобразную обстановку своей

жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике,— находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и выработать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». А учиться коммунизму было, но позже, на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 года. На самом деле, хоть он и говорил в этом выступлении о том, что необходимо учиться коммунизму, он не повторял слово «учиться» три раза.

ЖУРНАЛИСТ – Интересно. Дадите ссылку.

ИЗ ГОСТЕЙ (*старичок, учитель истории, хихикая*) – Он потом в письме к Горькому и интеллигенцию, ту – лакеев капитала, определил. Замечу, в частном письме. Ссылку уж сами ищите... Я вам ссылку, вы мне ссылку. Цитаты к месту – ваша профессия...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Не надо усложнять (*продолжает.*) Наш, русский народ – душевно богат, как электорат – состоятелен, воспитан. (*Журналисту*). Будет ли это понятно народу? Электорат? Где ты слово такое нашел. Думать заставляешь. Где ты слово такое нашел.

ЖУРНАЛИСТ – Когда читаешь, иногда имеет смысл. В словаре иностранных слов. Я думал, выборщики – как-то не звучит.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Выбор мы сделали давно. Оставим только «душевно богат». Для газеты еще поработаю.

ИЗ ГОСТЕЙ (*пожилой, «охранник при входе в школу*) - «Да земля наша велика и обильна...» И я за английский язык решил приняться. Что даром в дверях школы сидеть: все свои, чужие не ходят. Хотя помню, сорванцы хотели скелет из школы утащить, но я его сразу заметил. Английский – трудно дается. Ведь не понятно, так хоть понятно, почему не понятно. Ан и интересно, и уважить можно. Бабка моя по-английски ни гу-гу. Так, глядишь, махнет рукой, плюнет, не злобясь: «где уж им, немчинам, понять нас грешных, пусть себе забавляются», и пойдет щи варить. А все ТВ да щи пусты. Да, своего вора не убережешься.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Согласен. Хочу подчеркнуть – ясность, целенаправленность программы, прежде всего, гуманитарных предметов. Здесь у нас эффективная система управления. Четкое понимание исторического развития. И здесь, на мой взгляд, мы должны быть тверже стали.

(*Журналисту*) - Это у нас хороший образ, но...

ЖУРНАЛИСТ – Хотел посильнее.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Но надо будет подумать, будет ли правильно понято ...

ЖУРНАЛИСТ – Пусть подумают.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Еще поработаю (*продолжает.*) Вместе с тем благосостояние нашего народа растет. Это ставит новые задачи. Хочу остановиться, так как для некоторых может послужить примером, на последних событиях. Федор Иванович, скромный труженик, учитель ботаники, выиграл в государственную лотерею. Так ведь в каждом случае - своя логика. Это еще раз проявляет заботу партии, рост благосостояния, внимание, которое партия оказывает каждому самому простому труженику.

ИЗ ГОСТЕЙ (*рассказывает соседу анекдот*) – Абрам всю жизнь молил бога: «Господь, помоги выиграть в лотерею». И вот Абрам уже стар, болен, и, возможно, на смертном одре и вновь обращается с мольбой и слышит голос бога: «Помоги же мне - и ты, Абрам -- купи билет». ...

СОСЕД (*географ*) – Куда, куда купить билет? Повтори, не расслышал. То есть, где, где купить билет? Петр Павлович, не подумай, чего... Ведь географию преподаю. Посмотреть. Увидеть бы.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ ... Так на чем мы остановились... (*продолжает*) Враг, международный империализм, его передовой отряд – США, не дремлет. Самоотверженность, верность священным традициям, заветам, идеалам, личное бескорыстие, труд на благо всего народа, свобода, достоинство, воля, честь...

Все встают

Сцена 8. *На кухне. Федор Иванович и Ксени2; она стоит у окна.*

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Ты, почему здесь?

ОКСАНА - Смотрю, мне отчего-то нравится. Вечерняя, ночная улица. Торжественная часть еще не кончилась? Не люблю...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - ... «фонарь, аптека»..., а где же он?

ОКСАНА – ... Раньше, конечно, жить было труднее... Я знаю, детская смертность - привычна... В поле родила, в поле и вернулась... и, конечно, и религиозные представления народа... У нас в деревне привычно, когда молодой парень вернулся из тюрьмы. Встретят, отметят, да пьют как-то невесело, и снова в тюрьму...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Я себя хорошо чувствую, когда, в РОНО такую возможность отвоевал, когда с ребятами во время урока в лес уходим, благо рядом. Ботаника. Мы и стихи о природе учим. «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...» Часто учительницу продленного дня подменяю... «Есть в светлости осенних вечеров... Ущерб, изнеможенье — и на всем та кроткая улыбка увяданья, что в существе разумном мы зовём божественной стыдливостью страданья»... Страдание – стыдливо?

ОКСАНА – Божественной?! Федор Иванович, если бы вам, ну если бы вас полюбила молодая девушка, вы бы...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ (*грустно, смеясь*) - Застрелился!

ОКСАНА - Я серьезно.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Я, может быть, тоже...

ОКСАНА - Не понимаю. Ужасно...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Пожалуй, вы правы Я, кажется, давно ничего не понимаю. И поверь, это так непросто.

Федор садится у стола и засыпает

ОКСАНА – Федор Иванович!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - А? Что, прости, со мной иногда случается, - бессонница по ночам измучила. О чем мы? Ах, да. О влюбленности... Тогда, первый и единственный раз в жизни..... так ведь попросту не выдержу. Первый и единственный... Первая пора возмужания, иметь несколько мыслей, чувств постоянных, но уже освободиться от горячки молодости, и даже ощутить некую приятность от чувства независимости, а в работе в школе, сознательно выбранной, чувствовать связь с волнующими вопросами. И вот поразиться очарованием, чем-то для других неуловимым... открытостью, трагизмом. Она, поднималась, скользя по тонкому звонко натянутому канату, под самый купол, что словно темное зимнее небо, обнимал весь мир... Неожиданно канат заходил из стороны в сторону, все увеличивая амплитуду и набирая скорость. В глазах замелькало и все заходило. Может вам все это не интересно?

ОКСАНА - Как хотите. Почему?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Все зашаталось словно в шторм палуба корабля. Иногда мешает и страшит звук собственного сердца. И я увидел ее лицо, совсем близко, сверкающую нежную снежинку... и протянул руки. Не помню, как я оказался рядом, за кулисами... Какое-то время я был совершенно убежден, что все так необходимо... Иногда человек становится необычно суеверным. Вы замечали, люди, что принято называть «простыми», обычно суеверны, как все в молодости. Он тебе о своей жизни, как в анкете, в двух словах, а какого цвета и в какую клеточку был любимый платок его бабушки до бесконечности, не остановить... Она была окружена шумной толпой и оживленно смеялась. Вы будете смеяться, но я обрадовался, что она не одна. Вот я вам рассказываю, а зачем, почему? ... Дальше была ночь, мы гуляли по улицам города, на рассвете вышли к вокзалу... А потом я каждое утро бегал на почту, чтобы разорвать очередную не отосланную телеграмму и получил сам. У нее были гастроли в соседнем городе, но она хотела приехать ко мне... нашими автобусами, с пересадкой... Весь мир вспыхнул, и я понял, точнее ощутил, что он действительно движим одной любовью и все желания священны. Время больше не существовало, то есть его было слишком много. За минуту до ее приезда я понял, я люблю и... ненавижу. Затем мы пили чай, у меня. Она, актриса, так мило, робко и просто рассказывала о себе, своей работе, о своих родных. Я думал, я могу помочь ей... Потом ясные морозные дни, воспоминания о которых навсегда оставит мое сердце благодарным.

Из комнаты на кухню несколько раз заглядывала Мария Ивановна

МАРИЯ ИВАНОВНА – Федор, как-то неприлично. Ты – виновник торжества. И без тебя... И вам, Ксения, лучше в комнаты. Что вы всё на кухне...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - У слова ревность два значения -- сделать лучше, спасти и другое несчастное... Не знаю, безумные ли идеи юности, воспитание или его отсутствие... Но кажется не было ничего и никого, кто бы не помог мне скатиться в эту пропасть... Была ранняя весна или оттепель. Неслись хмурые больничные облака по низкому небу, влажно оживали деревья, таял снег, с горчинкой; было слякотно на тропинках, на заснеженном поле образовалась корка льда; ломая наст, нога проваливалась в пух, влажную вату снега... Когда родилась дочь, я вновь почувствовал себя счастливым... Мне было о ком заботиться и беречь...

входит учитель гражданской обороны ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ.

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ – Извините, не помешал. Можно. На перекур (*закуривает*).

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Пожалуйста, пожалуйста

ОКСАНА – Разрешение надо спрашивать перед тем, как войти. А перед этим - стучаться...

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ (*представляясь*) - Новый учитель гражданской обороны. Прошу любить и жаловать. В школе уже по прозвищу – «Гроб». Из армии. Служил. Вот теперь к вам. Лично я считаю, недостаточно у нас понимают всю опасность современного положения... и в школах недостаточно уделяют внимания воспитанию будущего защитника отечества. Вот в нашей части, собственно из-за чего я и оказался у вас. Один курсант, хотя звания оказался не достоин, удавился в ночь, во время исполнения внеочередного наряда в нужнике. Мы возможно и проявили некоторую излишнюю требовательность, но да мы должны готовить настоящих мужчин. А тут сказались и недостаточная физическая подготовка, и странная склонность к уединению. Беседы проводились...И...

ОКСАНА - А как его звали?

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ - Звали? Кого?... Забыл... А почему собственно, я должен помнить. И теперь у вас, на вашем жалованье...нянчиться...

ОКСАНА - Как вы можете?

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ - Э-э... милочка. Я и не такое видел. И многое другое повидал и пережил – и сдюжил.

Ксения выходит. Глеб Савельевич за ней. Федор остается один. В холл входит АНТОНИНА (Тоня, жена Федора Ивановича. Присматривается к ОКСАНЕ). Из кухни доносится голос - Федор Иванович, перебирая на гитаре -- Лишь неизбежна ночь, омытая слезами, Наполненная трепетом листвы, Когда земли неведомы страданья, Унять попробуешь, не смея, на груди. И лишь прекрасен - строгий луч рассвета, Лесная тишь и ясный лунный лик, И журавлей, поднявшихся до света, Тянущийся, перекликаясь, клин. И лишь одно достойно здесь труда, Когда, дрожа на листьях тростника, Роса сольется с солнца добрым цветом.

Сцена 9. Холл

ЭЛЕОНОРА НИКОЛАЕВНА (*учительница литературы, в комнате, за столом*) - ...Я люблю готовиться к урокам на улицах. Идешь по заснеженным улицам, заходишь в подъезды погреться; в трамвае отогреешь лунку, и все время представляю образ, что надо приготовить.. а люблю классику. Вспоминаешь цитаты... Порой, кажется, что все в далеком прошлом, и возникает ужасное чувство опустошения, а потом печально, и какая-нибудь думка-воспоминание, или клочок неба, сценка из окна, но только что-то тронет сердце и заживет, потом уже работа в библиотеке. (*Ксении2*) Вы в медицинский поступили, в школе у нас легче, чем в больнице...

АНТОНИНА – Всех приветствую. Вот с благословенного юга и в нашу слякоть (*вытягивает вверх руки*). Прямо чувствую солнце в крови.

СВЕТЛАНА -- Тоня, вы откуда. С гастролей... Счастливая!

ТОНЯ – Пятигорск, Севастополь... Письмо от Ксении догнало в последнюю минуту. А тут еще рейс задержали... Гастроли... Через два часа снова самолет, уже улетаю. Такова наша

стихия... Счастливая? Не знаю. Дочь свою почти не вижу, а когда вдвоем остаемся, так молчим, говорить трудно... Короткое замыкание. И чувствую я, что я самая несчастная...

ГОСТЬЯ - Да, ничего... Я за своего тоже тревожусь... и иногда страх налетит и такая дурь в голове, чуть ли не трясет всю.

ТОНЯ – Петр, ты как всегда во главе стола, Федор, небось, - на кухне... Где влюбленные? Где новобрачные?

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Тонечка, красавица наша... Прелестница наша... Садись рядышком...

ТОНЯ – У себя дома – приходится присесть. Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Ох, остра, остра... прелестница...

ТОНЯ – Разглядел. Смотри – не увлекись- обожгешься...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ –... Люблю... Люблю цирк да комедии...

СВЕТЛАНА (*Оксане*) - А вы, милая, что загрустили?

ОКСАНА - Не знаю... Не скажу...

СВЕТЛАНА (*Оксане*) -- Как у вас в институте? Анатомичку еще не показывали...

Оксана вскакивает. Глеб Савельевич оказывается рядом, как бы приглашая танцевать. Оксана как бы не замечает, и приглашение принимает Светлана, кладет ему руки на плечи. Звучит «Бьется в тесной печурке огонь...»

ЭЛЕОНОРА НИКОЛАЕВНА, учительница литературы и АНТОНИНА обмениваются цитатами

ЭЛЕОНОРА НИКОЛАЕВНА (*учительница литературы, Тоне*) – Помните. Блок. «О, я хочу безумно жить! Все сущее увековечить, безличное очеловечить, несбывшееся воплотить»... «Быть может, юноша веселый в грядущем скажет обо мне: «Простим угрюмство, разве это сокрытый двигатель его. Он – весь дитя добра и света, он – весь свободы торжество»

ТОНЯ - «Ветер, ветер на всем белом свете...»... «Пристал ко мне нищий дурак, Идет по пятам, как знакомый. - Где деньги твой? - Снес в кабак. - Где сердце? - Закинуто в омут. Чего ж тебе надо? - Того, Чтоб стал ты, как я, откровенен, Как я, в униженьи смиренен, А больше, мой друг, ничего..... Гляжу - близ меня никого».

ЭЛЕОНОРА НИКОЛАЕВНА – «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!»

ТОНЯ – Лучше оставить только: «Блажен, кто посетил сей мир» ...«Как ни тяжел последний час – Та непонятная для нас Истома смертного страданья, – Но для души еще страшней Следить, как вымирают в ней Все лучшие воспоминанья...»

ЭЛЕОНОРА НИКОЛАЕВНА – «..Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»

ТОНЯ - «Напрасно я бегу к сионским высотам, Грех алчный гонится за мною по пятам... Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий, Голодный лев следит оленя бег

пахучий». «...и то, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неисчислимы наслаждения». Пишут не смог стать историком Петра Великого. Со второго раза царь Николай отставку принял. И долги, долги – в основном на издание журнала...

ЭЛЕОНОРА НИКОЛАЕВНА – «О Господи, дай жгучего страданья И мертвенность души моей рассей»... «...И слова состраданья, что с уст твоих нежных сорвались, я отдать никому не хочу, и за счастье надежд, что с отчаянием горьким смешалось, я всей жизнью тебе заплачу».

ТОНЯ - ...или заплачу...«И до чего хочу я разыграться, разговориться, выговорить правду, взять под руку кого-нибудь: «Будь ласков, -- сказать ему -- поговори со мной...». Это уже другой поэт.

Светлана «перехватывает инициативу», ведет пару к Петру Павловичу.

СВЕТЛАНА (Глебу Савельевичу) – Слышала, во время войны эту песню запрещали. Военные – моя страсть.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ встает из-за стола. Глеб Савельевич приглашает Петра Павловича заменить себя в танце.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Не танцую (*отходит. Глеб Савельевич стоит*).

Сцена 10 Светлана обрывает танец и шмыгнула к Федору Ивановичу на кухню, открывает пачку сигарет.

СВЕТЛАНА - Вот ноготь из-за вас поломала...Да вы спите?... или,.. думаете?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ (*очнулся*) - Извините. Кто, вы? Вы как...

Света садится на стул, держит сигарету у рта, всматривается в Федора. Федор Иванович через некоторое время зажигает спичку.

СВЕТА – Учитель английского языка. Теперь в вашей школе есть англичанка. У вас рука красивая.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Да, но...

СВЕТА –Женщина, наконец. Или для вас это новость. Я покурю, пока начальства нет. Вы присядьте. И утром. Неужели вы действительно хотели подарить счастливый билет, машину Петру?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Да. Когда?...Ах, да, утром...но лотерейный... для Анны, Тони...

СВЕТА - Необъяснимо хочется до вас дотронуться. В вас есть что-то очень симпатичное, затаенное, ...печаль. Хотите, я вам погадаю (*берет за руку*)...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Человек имеет право быть печальным...или заслужить это право...

СВЕТА – Кажется, это грех. Кстати, сколько вы за урок берете, частный разумеется, репетиторство... Держу планку и согласуюсь только с собственным бюджетом. Что вы молчите? Говорите же, говорите. Я ценю свидания, дни которых сочтены.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Простите, сейчас немного поздно. Я не даю частных уроков, собственно в них почти никто не нуждается. Иногда. Только в медицинский. И там -

немного иначе, о другом...

СВЕТА – Ну, это для младших классов.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Я в них и веду уроки, и в группе продленного дня делаю домашние задания.

СВЕТА - Я предпочитаю работать с состоятельными людьми без идеологической нагрузки. Не всегда удается. Нет, учитель ботаники звучит благородно. И вы смогли сохранить традиции, атмосферу чувств, строй мыслей порядочной семьи? Единственная возможность: скорбь и печаль напряженно работающего человека, сознающего свой долг... Да?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Не смешно. Мне хорошо с детьми, когда им со мной интересно, когда меня слушают милые искренние жулики, и мне интересно с ними. И пусть им многое не понятно, понимают по-своему... Да, я с ними играю. Да и с детьми часто не получается, я не умею требовать. Чужие становятся своими, но ...на время,.. и это много легче. Урок – на срок.

СВЕТА – В холле стихи читают. «Только детские думы лелеять, Все большое далеко развеять, Из глубокой печали восстать. Я от жизни смертельно устал, Ничего от нее не приемлю, Но люблю мою бедную землю, Оттого, что иной не видал»...И, умильно, до моего остервенения, как, с каким восторгом многие читают, ведь красиво: «Я лишился и чаши на пире отцов, и веселья, и чести своей!» Чести! Своей!

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Плохая шутка. Кризис христианства...национального самосознания... общественных институтов. 1-я Мировая, революция, гражданская, принудительная коллективизация, голод, плановая спешная индустриализация, миграция, война, разруха, лагеря, лагеря... -- некое самостояние человека было почти невозможно, человеческая совесть была измучена, ...и, конечно, надежда, ожидание новой жизни...Но я не хочу об этом говорить...

СВЕТА – Чья личная совесть, конкретно?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Чья-то совесть и разум были затвержены. Прошу, я не хочу об этом говорить. Любовь к родине с неизбежностью влечет служение отчизне. Правительства, хоккейная команда – ещё не Россия, разные понятия.

СВЕТА – Догадываюсь.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Запомните.

СВЕТА – Значит, все-таки учите. Кажется у Фолкнера. Простите неточность. Нерастраченная сила и впустую растраченная молодость грозят преступлением. Я боюсь, не могу позволить себе иметь ребенка. Кому бы сейчас смогла бы доверить в мудрые добрые мужественные руки (*иронично*) Разве, вот – вам...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – В каждой жизни возникает момент, когда человек осознает свою единственность, беспомощность, незащищенность и силу, когда должен и хочет сделать сам и только сам, и не на срок.

МАРИЯ ИВАНОВНА – Федя?! Не прилично. Тоня приехала. Светочка, простите,

отчества, не помню, там Глеб Савельевич тост в вашу честь хочет тост произнести. Хватились вас нет.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Человек должен помнить свою фамилию...

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ – Света! За развитие советско-британских отношений, культурных связей, дружбу... Просим, просим в зал.

СВЕТЛАНА –

Света уходит в комнату, сталкивается в дверях с АНТОНИНОЙ

ТОНЯ (*жена Федора Ивановича, который трусливо «засыпает»*) - Опять накурил. Не бережешься. Что-то я растревожилась. Спешила на свадьбу, и вот оказалось, Ксения куда-то ехала, мне сказали. Ты молчишь... Ты спишь? Спишь?... Спи. Знаешь, когда я жду тебя у окна... Странно, ты никогда не опаздываешь и приходишь в одно и то же время. Не доходя до подъезда, не выдерживаешь и бежишь, придерживая одной рукой полу плаща. Я стою у окна. Ты останавливаешься и, запрокинув голову, поднимаешь глаза к окнам, как бы заслоняя ветер с пустоши новостройки... Каждый раз мне ужасно хочется спросить: «Чувствуешь ли ты мой взгляд»... Ты так смешно пытаешься удержать шляпу, что она оказывается нахлобученной на самые глаза, но я вижу их улыбку. И я знаю, она предназначена дочери. Я считаю твои прыжки по лестнице. Наверное, в эту минуту я люблю тебя... у меня по груди пробегает судорога от плеча... Я оборачиваюсь и улыбаюсь, наверное, она выглядит вымученной, моя улыбка. И я сразу же пытаюсь занять чем-нибудь свои руки и начинаю собираться - мне уже пора. Жертв не принимает тот, у кого нет будущего... Что я такое сказала. Ты избегаешь разговоров. И где Ксения? Сказали, она уехала ненадолго... Мне порой, кажется, что ты любил меня, ты был влюбленным, но любил меня только, когда я была беременна. Ты говорил, что мое лицо напоминает тебе реку в начале весны, туман над набухшим льдом, и что это тебя не пугает. Тогда тебя никогда не раздражали мои капризы. Тебе нравилось, как я говорю: «Мне необходимо смотреть на прекрасное»... Почему мы давно не можем поговорить... Мы почти никогда не могли поговорить... как с подругами по телефону... спокойно, каждый ждет своей очереди, иногда перебивает, ты продолжаешь прерванную речь. Спи... спи. Я уже должна ехать. Не провожай меня. Я жду письма и объяснений. Говорят, ты выиграл автомобиль в лотерее... Займешься частным извозом... Пошутила... Жду объяснений... (*Тоня уходит*).

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Что со мной опять происходит? Опять нахлынуло, и действительно клонит в сон... и этот сон. Раньше я всегда, в конце концов понимал, находил причину, свою вину, объективные обстоятельства... Не хочу, и откуда еще эта злость. Душно. Душит меня и бьет, хлесть, хлесть, злость. И отчего все так невтерпеж (*подходит к окну и растворяет его*). Раствориться бы, стать бы таким же как это вечер, побежать бы блестящими капельками по черным голым веткам, и, стекая, падать в желтую, жесткую траву, стать бы маленьким болотцем. Как хороша эта маленькая, эта светлая, спокойно-холодная полоска между синевой неба и темнеющим с проседью берез лесом. Забыть, забыть бы все. А черт побори? Неужели я опять заболел... (*входит в комнату*)

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*несильно пьян, подходит к Федору, обнимает за плечи*) - Знаешь, я раньше как-то понимал этот остывающий пот, усталость, запах, тесноту... Чего им еще надо... Что мы еще не сделали...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Мне необходимо уйти с работы...на время...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Что это ты... Ах, да – лотерейный билет. Приехал - думал, во время застолья Анне подаришь.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - Не могу... личные причины. Мне было бы тяжело в школе. Я не должен быть в школе...Я должен не быть в школе...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Да ты, собственно, о чем это собственно...раз-ные взгля-ды! Взгля-ды раз-ные! Уже слышан... Ты тоже слышан. У меня тоже личные причины. Дела у меня, почти областного масштаба... Дура, подала со мной на развод. Ладно бы, еще сам оставил. Я давно никого не ревную. Сын ее измучил. Казалось, пристроил, в училище нашем военном договорился... Теперь в самоволке. Черт с ним, черт его кружит... Нет, это я тогда был дураком. Ты бы мог поговорить с сестрой - по-родственному. Можно же обсудить, все устроить, а то сразу заявление в нарсуд. Мне не нужен развод в данный момент с нелепой причиной. И не будет. А ты, похоже, дочь приревновал. Смешной ты, все-таки. Все образуется.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ - ...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ -- Ну ладно, ладно. Не мрачней. Какие трудности? Говори, устроим...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- ...Знаешь, я хочу тебя попросить, на похоронах положение обяжет - скажи просто -- ботанику преподавал, жену, дочь кормил, ...любил.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*трезвея*) -- Главное..

ФЕДОР ИВАНОВИЧ -- Палец не ушибить. Извини, так Петя говорит.. Может, хоть тоской своей я да наказан...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ -- Хорошо, что уходишь.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ проходит через комнату, где уже в конце разговора гости пляшут под частушки. Гостья -- «У миленка серы брюци, И такой же пинджачок, Я нарочно подмигнула, Он бежит как дурачок». Гость -- «Поскользнулся и упал, И смотрю куда-то вдаль. В небе облако сереет, А во мне надежда зреет». – «Ах, бестыжий, окаянный, Щас дождешься ты руки, Что у глаз твоих веселых Вдруг зажгутся фонари». – «Что ж, рази меня глазами, А уж рученьки – мои. Для меня твой милый гнев, Словно полюшку посея».

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*из коридора*) -- Тьфу! ... Светлана. Светлана я вас подвезу.

СВЕТЛАНА – Хочу в кабак.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Света.

СВЕТА – Хочу в кабак.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Едем (*уходят. Журналист идет следом, журналисту*) – Делай текст, надо. Я потом поработаю над ним, доведу до ума, поправлю. Подождем. Кое-что изменим.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ (*входит в комнату и опускается перед телевизором. Подходит Петя*)

ПЕТЯ -- Не сидите, Федор Иванович, у телевизора. Вы же сами говорили – излучение.

Почему люди в телевизоре такие маленькие, а так близко?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Маленькие и близко. «Пойду»... Куда я пойду. Пойду пройдусь.

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ (*останавливает*) – Выпьем Федор. Когда выпью и не допью – так сильно не по себе. Замечаю и вы маетесь...Смотреть на вас грустно. «Волгу» выиграли, девчонке понравились. Не отпирайтесь, у меня глаз-алмаз, наметан...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Вы уверены в том, что вы - мужчина?! Пройдусь, подышу свежим воздухом (*отходит*)Пройдусь, в районную библиотеку для книги для дочери. Стыдно. Щеки горят. Но я должен выглядеть счастливым. Я так хотел, чтоб они были счастливы. Что ж, щеки так горят. Можно только хотеть не причинить никому зла. Без смерти не умрешь. Страсть, смерть – в рифму. Все по земле и среди людей ходим... Человека не бывает без вины...

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ –...Запомнил. Просили, кто да как. Думал, не вмешиваться. Вот, теперь схожу.